

ИБИС

**Альманах
№ 33**

- **Этика**
- **Эзотерика**
- **Литература**
- **Философия**
- **Медицина**
- **Наука**

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты.

Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

*Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
бывший священник католического костёла в Польше,
и т.д., и т.п.*

Содержание:

Номер файла:

● 1-я страница обложки	01
● 2-я страница обложки	02
● Эпиграф к журналу	03
● Сначала прочтите это	04
● Портрет	05
● Основные вопросы Бытия через ясновидение — А. Метельский (продолжение)	06
● "Оккультный мир" (1881 г., выдержки из книги): правда о Е.П.Блаватской — А.Синнет	07
● Теософский словарь	08
● Настоящая литература! Глава 17 повести Анат. Рыбакова <i>"Прах и пепел"</i> — о временах сталинизма	09
● 1001 случай криминала: легко усматривается эзотеричность	10
● "Козёл на саксе": новая книга выдающегося музыканта А.Козлова	11
● Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?.. (продолжение)	12
● "Альтист Данилов" (глава 30)	13
● Продолжение "Альтиста Данилова": "Шеврикука, или Любовь к привидениям" (глава 17)	14
● Стихотворение — И. Бродский	15
● <i>Философема</i>	16
● <i>Цитата номера</i>	17
● 3-я страница обложки	18
● 4-я страница обложки	19

**"Самого себя как целого
можно достичь только если
полностью понимаешь, что
обычный мир — это просто
точка зрения, независимо от
того, принадлежит ли она
обычному человеку или магу.**

*** * ***

**После целой жизни
борьбы я знаю, что по-
настоящему важным является
не просто научиться новому
описанию мира, но прибыть к
нему целым: следует прибыть
к нагуалю, не покалечив
тоналя, и превыше всего — не
покалечив своего тела."**

Дон Хуан
*(К. Кастанеда,
"Сказки о силе")*

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание этой рубрики. Например, изображение кадуцея придано рубрике "Медицина", изображение строения атома — рубрике "Наука", и так далее. Но иногда названия рубрики вынесены в верхний колонтитул и картинку имеют стандартную — трёхлепестковое пламя над чашей. Поэтому если вместо картинки при рубрике вы увидите что-то другое, значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё, и т.п. Мы, со своей стороны, всё проверяем — и не хуже военной приёмки...

Ниже примеры стандартных рисунков при стандартных рубриках, которые (рисунки) могут быть не видны: № 1 — золотой христианский крест; № 2 — красный автомобиль скорой помощи и кадуцей.

№ 1:

№ 2:

В папке FONTS или в файле «шрифты» прилагаем некоторые применённые нами шрифты и советуем их загрузить в папку FONTS Вашего Виндоуза.

Желаем чёткой работы.

**Портрет
главного редактора...**

О некоторых основных вопросах

Проблемы Бытия через ясновидение

(продолжение)

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

Кроме общих образов, есть еще и дополнительные у каждого из пророков, то есть руководителей религиозных потоков. От Иисуса Христа люди получают высший план серебра — канал включения в Божественные миры на самой границе сотворенного мира — на частоте 280 тыс.

На частоте 110-120 тыс. Своим верным последователям Он ставит зеркало со Своим Ликом. Это и защита, и возможность проверить

свою устремленность к Нему, и свой духовный возраст. Если душа идет верным путем, то зеркало растет. На хрустальном слое (93-95 тыс.) Он дает дополнительную защиту типа хрустального яйца. И наконец, у Него на оранжевом серебристая лента с кольцами, которые Он надевает на душу по ее просьбе или по просьбе ее близких. Это образ особой заботы и опеки. Кольца помогают удержаться от соблазнов и встать, если упал.

Подобный план имеется и у пророка Магомеда (да благословит Его Аллах и да ниспошлет Ему мир). Поскольку Он работает с душами менее зрелыми, то есть образ, где все к Нему привязаны, и Он только тем и занимается, что то одного, то другого вытаскивает из ям и болот.

Проблема определения духовного роста в мусульманстве решается иначе, чем в христианстве. На частоте 150-160 тыс. пророк стоит на возвышенности, и все к Нему бегает и меряются, докуда доросли. Есть у Него и дополнительная труба на высшем желтом плане (200 тыс.). Свои каналы имеются на частоте 210 тыс. и у Богородицы. Нечто подобное есть и у других пророков. Но по наследству из прошлых жизней они не передаются, а возникают при вхождении в их поток в данной жизни.

7. Сознание

Сознание есть план, который определяет СУТЬ души. Именно в него заложена способность свободного выбора (конечно, в пределах кармы), осознания себя как личности, как отдельной самостоятельной частицы мироздания — души. Именно на уровне сознания решается вопрос о том, кому душа служит, с кем сотрудничает — с Богом или с Сатаной. Именно поэтому всеми оккультными учениями левой руки (а также современными техническими средствами и средствами массовой информации) и ведется такая атака на сознание, подбрасываются всякого рода идеи об остановке сознания¹, опустошения сознания, успокоения сознания и т.п. Когда Вы его полностью опустошите, то станете слепой игрушкой или слепым орудием в руках сатанинских сил.

Сознание — хозяин души, глава, руководитель ее земного пути². Никаких подсознаний, над- или сверхсознаний в Божественном мире нет. Есть только сознание, которое нужно растить, утончать и совершенствовать в своем движении по жизни.

¹ Если автор имеет в виду дон Хуана, то там остановка мира использовалась не как самоцель, а как временное и вынужденное средство применительно именно к Карлосу. И вообще, всякому читавшему Кастанеду понятно, что дон Хуан учил строго индивидуально. (— Ред.)

² К сожалению, всего лишь на несколько процентов. Так что автор совершенно прав во фразе, следующей далее, через одну. (— Ред.)

Этот процесс идет по трём направлениям: во-первых, восприятия высшей мудрости — знаний, уже существующих в мироздании, которые каждая душа должна освоить, то есть сделать своими, наполнить и оживить личным опытом. Во-вторых, сознание развивается в плане утончения способности восприятия окружающей действительности, анализа и осмысления ситуаций, обстоятельств, людей и явлений.

Первое направление можно условно назвать вертикальным, идущим сверху вниз — от Бога к каждой отдельной душе. Второе — горизонтальным, идущим через взаимодействие души со своим окружением. На пересечении этих двух потоков и возникает то, что можно назвать в полном смысле сознанием — собственным, лично освоенным знанием и опытом души: умением на основании знания законов Бытия принимать верные решения в конкретных жизненных ситуациях. Именно в деятельности, в творчестве, в плодах этой деятельности и происходит проверка степени освоения душой законов Бытия и развитие тонкости ее восприятия.

Совершенствование сознания развивает высшую Божественную способность — мыслить. Вспомним, что именно мыслью Бога-Отца (Логосом-Словом) творился мир. Это та способность, которая делает нас подобными Богу и, по мере ее развития, приближает к Нему. Каждая мысль человека, хотя она и сама

является почти на 100% реакцией на существующие во внешнем мире мыслеформы, тем не менее всё же и в свою очередь создаёт в этом же внешнем мире — как отклик — соответствующий образ, положительный или отрицательный. Поэтому умение владеть своей мыслью (на первом этапе — хотя бы понимать, что если мысли твои отрицательны, значит, реагируешь на отрицательные внешние мыслеформы; осознание этого способствует прекращению реагирования), направлять ее на добро — главное качество, которое нужно воспитать в процессе земной жизни душе, стремящейся к Богу, к совершенству, к чистоте и Свету.

Высший план сознания видится на частоте 260-270 тыс. как икона, как образ того из пророков, под покровительством которого находится душа на данном этапе своей жизни. Там можно видеть образы Иисуса Христа, Богородицы, пророков Моисея и Магомеда — в зависимости от того, в каком религиозном потоке находится душа. Нахождение же в том или ином религиозном потоке зависит не от того, в каком месте на Земле человек родился и живет, а от степени зрелости души, от ее способностей и жизненного предназначения. Довольно часто встречается у мусульман и у иудеев образ Иисуса Христа и Богородицы, а у христиан — наоборот, образ пророка Магомеда (да благословит Его Аллах и да ниспошлёт Ему мир). Причины этого станут ясны, когда я далее

расскажу о соотношении различных религиозных потоков, о роли каждого из пророков в очищении Земли, и т.д. Самое главное, чтобы на этом месте у души был положительный образ.

Однако, к сожалению, сегодня там нередко встречаются образы отрицательные. Я не стремлюсь определять, кто там виден конкретно — Сатана, Дьявол, или кто-то из их подручных и др. — но если вижу черное лицо и/или черную фигуру, то считаю, что видимое отрицательно. Эти личины возникают, когда пустеет место святое — как следствие атеизма и/или извращенных духовно-культурных ценностей в последнее время. Окультизм-мистические учения Востока (левой руки; но трудно бывает отделить их от учений правой руки...) сажают туда своих учителей — иногда в коричневых, иногда и в светлых одеждах, типа учителей Шамбалы, — но жёсткий, властный взгляд колючих глаз не вызывает сомнений в том, кому они служат. А от крестного знамения они обычно поспешно удаляются. В общем, никаких старцев и никаких святых там быть не должно: только пророки, то есть руководители религиозных потоков.

Но бывают и случаи уникальные...У одной моей знакомой, с атеистическим прошлым, на этом месте оказался ее собственный образ. И когда я у него спросил, как это так, то он ответил: "Лучше я буду поклоняться себе, чем кому попало". Вот так при атеизме 72

большевистских лет в СССР выходили из положения высшие планы некоторых мудрых людских душ. И когда я спросил у моей знакомой, то она подтвердила, что, действительно, никогда не искала авторитетов среди людей, не нарушала нравственных заповедей, старалась решать все вопросы сама, и поэтому Дьявол туда не залез; и так возник этот ее образ. Она помолилась о восстановлении настоящего образа — и появился лик Богородицы.

Так что этот план сознания — очень значительный, определяющий, и не только для вопросов религиозной веры. Он определяет, какими принципами человек глубинно руководствуется в своих поступках, какие силы — положительные или отрицательные — имеют на душу БОЛЬШЕЕ влияние. Это образ ВЫСШЕЙ ДУХОВНОЙ ОРИЕНТАЦИИ души. Он ведет ее по жизни, и, если там оказывается отрицательная фигура, то она и будет подталкивать на соблазны, на отрицательный выбор во всех жизненных ситуациях.

Затем идут три образа, связанные с конкретной творческой работой сознания над выступлением, книгой, картиной и т.п. На частоте 240 тыс. (голубом слое) видна чаша с жидкостью: это — порождающая мысли структура³. На частоте 230 тыс. (фиолетовом слое) видны серебристые крючки или

³

Всё же с учетом того, что мысли рождаются как реакция на внешние мыслеформы. (— Ред.)

уголочки: это — структура, которая упорядочивает, связывает мысли. И на частоте 210 тыс. (зеленом слое) виден белый воздушный диск с цветочком в середине, обеспечивающий цельность и законченность мысли.⁴ Эти планы весьма индивидуальные, могут быть разного цвета и формы,. На общее состояние человека они влияют мало, включаются только в момент творчества, но в эти минуты их цельность или поврежденность сказываются очень сильно. Восстанавливаются они, как и все планы, по конкретным молитвам, а в данном случае — по просьбе о помощи в творчестве, о восстановлении ясности и цельности мысли, и т.д.

Следующий важный план, общий для всех и определяющий здоровое состояние сознания, — золотая пшеница на частоте 180-190 тыс. Она видится как золотые колосья, растущие внутри прозрачного шара диаметром примерно с голову человека. Это зёрна истины, посеянные в нашем сознании Творцом, степень нашей причастности высшей мудрости Бога-Отца, идущей по религиозному каналу, располагающемуся на этой частоте. Когда я обнаружил этот план сознания, то мне стали еще более понятны образы сеятеля в евангельских притчах Иисуса Христа. К сожалению, в земном мире мало

⁴ Это полезно знать тем, кто помнит, что в книге В.П.Гоча автор призывает додумывать, заканчивать мысль, правильно считая это очень важным. Но увы, Василий Павлович, видимо, не знает, что если этот диск поврежден, то ничего с додумыванием не получится. (— Ред.)

людей, у кого этот план цел. Сатана ведёт против золота мудрости самую настоящую охоту. И не потому, что оно Ему нужно, а потому, что это золото есть то самое оружие истины, которого больше всего боится система, основанная на лжи. Отсутствие этого плана у сатанинских душ лишает их духовных интересов и устремлений, делает недалёкими, наделяет паразитическим складом сознания. Из них легко получаются вампиры. И уместно здесь напомнить еще раз, что лучше не осуждать таких и им подобных людей, а понимать, что они просто больные.

Золотая пшеница дает душе очень высокие способности. Это люди, умеющие мыслить масштабно, способные принимать глубокие, единственно правильные решения в самых сложных ситуациях, — и в то же время мягкие и терпеливые. Золото, как я уже говорил, является женским началом в мироздании, и поэтому наиболее сильное его развитие, ведущую роль его в сознании, мы находим у некоторых выдающихся женщин. Так, например, из просмотренных мною женщин самый большой объем пшеницы был у Зинаиды Волконской, несколько меньший — у известной хозяйки художественного салона во Франции XIX века мадам Рекамье. Скажу пару слов о данной ей мудрости. Родом из бедной порядочной семьи, она в молодом возрасте вышла замуж за богатого пожилого банкира, на средства которого и содержала свой салон,

завоевав известность и признание всей Европы, в том числе и при французском императорском дворе. Ее полюбил и сделал ей официальное предложение принц, наследник престола. Муж мадам Рекамье, благородный человек, намного старше нее, сам предложил ей развод. Но она сказала, что никогда не переступит через имя человека, который так много сделал для нее, благодаря которому она получила возможность общаться с замечательными людьми, в том числе и с принцем. Современные хищницы вряд ли могут понять всю глубину и возвышенность этого шага, ибо здесь чувство благодарности, верности долгу, порядочности оказалось выше, чем взаимная любовь: в своих воспоминаниях в конце жизни мадам Рекамье писала, что из всех ее поклонников в молодые годы принц был единственным, вызвавшим у нее ответное чувство. Суть и величие этого поступка в том, что очень высокая ценность — любовь к ближнему — отступила перед наивысшей — любовью к Богу. Об этом я также скажу дальше.⁵

А из ныне живущих известных людей сильный план золотой пшеницы у (например) бывшего премьера Англии Маргарет Тэтчер.

(продолжение предполагается)

⁵ Оценки автором поступка м-м Рекамье и ее избранника я считаю весьма спорными, так как известна позиция по этому вопросу С.Н.Лазарева — о подавлении Любви ("Бог есть Любовь") и, соответственно, о наказании за такое подавление. (— Ред.)

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

А. Синнет

(выдержки)

Мадам Блаватская является посвященной. Она - адепт, владеющий этой великолепной способностью психической телеграфии, которая соединяет ее с оккультными друзьями. То, что она резко остановила свое дальнейшее совершенствование в качестве адепта, которое позволило бы ей полностью преодолеть границу между нашим миром и миром оккультным, связано с тем обстоятельством, что эта дама решила взять на себя задачу, с которой, по указанным выше соображениям, вполне совместима деятельность Теософического Общества: сделать так, чтобы эти обязанности не пришлось брать на себя какому-либо высшему адепту. Что касается в высшей степени важной характеристики, то здесь мадам Блаватская действительно в точности удовлетворяла требованиям критической ситуации. Как случилось, что в своей оккультной подготовке она остановилась на достигнутом уровне и не пошла далее - этот вопрос задавать бесполезно, потому что ответ явно повлек бы за собою объяснения, которые вплотную подвели бы нас к секретам

посвящения, не раскрываемым никогда и ни при каких обстоятельствах. В конце концов, она - женщина; и несмотря на то, что ее мощный интеллект, широко, хотя и беспорядочно развитый, и совершенно неукротимая отвага, доказанная, помимо всего прочего, храбрым поведением под пулями на поле боя и еще в большей степени - пройденным ею оккультным посвящением, делают слово "женщина" в его обычном значении совершенно абсурдным в приложении к мадам Блаватской, - ее пол, возможно, преградил ей путь к высшим степеням оккультизма, которых она в противном случае могла бы достичь. Как бы то ни было, пройдя семилетний курс оккультной подготовки в одной из обителей в Гималаях, который увенчал ее самозабвенные занятия оккультизмом на протяжении тридцати пяти-сорока лет, мадам Блаватская вновь появилась в миру. Она общалась с обычными людьми, которые обменивались друг с другом банальностями, - людьми, погруженными во мрак невежества, - и ее поражала самая мысль о том, какая бездна поразительного опыта отделяет ее от них. Сначала она едва выносила общение с ними, потому что думала о своих познаниях, которые неведомы этим людям и которые она обязалась не раскрывать. Каждый понимает, насколько тяжело бремя великой тайны; но бремя такой тайны, как оккультизм, и бремя великих способностей, даруемых при условии, что их можно применять лишь в пределах, ограниченных

строжайшими правилами, - такое бремя должно быть воистину невыносимым.

Обстоятельства, а если выразиться более откровенно - руководство ее друзей, которых она при своем возвращении в Европу оставила далеко в Гималаях, но с которыми ей больше не грозила разлука в нашем понимании этого слова, побудили мадам Блаватскую посетить Америку. С помощью других людей, в которых разожгли интерес к оккультизму необыкновенные способности этой женщины, время от времени проявлявшиеся ею, и особенно с помощью полковника Олькотта, будущего пожизненного президента учрежденной ею организации, мадам Блаватская основала Теософическое Общество. Его изначально оговоренной целью было изучение мистических сил, скрытых в человеке, а также древней литературы Востока, в которой может таиться их разгадка и в которой можно частично обнаружить философию оккультной науки.

Общество легко пустило корни в Америке, тогда как его филиалы образовались также в Англии и в других местах; но в конце концов мадам Блаватская предоставила их самим себе и вернулась в Индию, чтобы основать Теософическое Общество там, среди аборигенов. При той естественной традиционной симпатии к мистицизму, которую питают коренные жители Индии, от них можно было ожидать горячего сочувствия к этому смелому предприятию, которое апеллировало не только к их интуитивной

вере в реальность йога-видьи, но также к лучшим проявлениям их патриотизма, представляя Индию как первоисточник самой высокой, хотя и наименее известной и самой изолированной культуры в мире.

Однако тут начались практические просчеты в руководстве Теософическим Обществом, приведшие к упомянутым выше инцидентам, из-за которых развитие Общества стало столь неровным. Прежде всего, мадам Блаватская была совершенно незнакома с повседневной жизнью Индии, поскольку во время своих предыдущих визитов в эту страну она общалась лишь с группой людей, совершенно не связанных с тогдашней политической системой и особенностями страны. Кроме того, ничто не могло послужить худшей подготовкой к жизни в Индии, нежели несколько лет, проведенных в Соединенных Штатах. Поэтому мадам Блаватская отбыла в Индию, не вооружившись рекомендациями, которые с легкостью могла бы получить в Англии, а ум ее при этом был отравлен совершенно ошибочным и предубежденным восприятием характерных особенностей, свойственных британским правящим классам в Индии, и отношения этих классов к народу. Географически Индия и Соединенные Штаты далеко отстоят друг от друга. В других же отношениях они разделены еще больше. В свой первый приезд в Индию мадам Блаватская стала проявлять подчеркнутую симпатию по отношению к коренным жителям, с которой резко

контрастировало ее отношение к европейцам; она настойчиво стремилась к общению с первыми и не делала никаких шагов навстречу последним. Этот факт, вкупе с ее явно русской фамилией, привел к вполне естественным последствиям: одна весьма бестактная организация, которая, наряду с различными иными функциями, старается исполнять в Индии роль политической полиции, стала воспринимать мадам Блаватскую как *suspecte**. Правда, эти подозрения развеялись почти столь же быстро, как и возникли, но перед этим мадам Блаватская успела на краткое время стать объектом слежки столь неуклюжей, что ее невозможно было не заметить. Это возбудило в мадам Блаватской негодование, доходившее до лихорадки. Более флегматичную натуру этот инцидент, вероятно, просто позабавил бы, но все эти инциденты в сумме привели к удручающим последствиям. Как русская по рождению, хотя и натурализовавшаяся* в Соединенных Штатах, мадам Блаватская, вероятно, более остро восприняла оскорбление, заключавшееся в том, что ее приняли за шпионку, чем это сделала бы какая-нибудь англичанка, менее искушенная в тонкостях политического сыска. К тому же в глубине души она осознавала, что вместо того, чтобы восторгаться тем чисто духовным и интеллектуальным предприятием, которому она посвятила жизнь, ей отказали в этом месте в обществе, которое по праву полагалось ей в силу ее высокого происхождения. Вероятно, это сделало ее негодование еще более ожесточенным,

когда она поняла, что ее жертва не оценена, а обернулась против нее самой и рассматривается в качестве подтверждения грязных подозрений. Как бы то ни было, все эти обстоятельства, действуя на легко возбудимый темперамент, заставили мадам Блаватскую выступить с публичными протестами, благодаря которым как среди коренных жителей, так и среди европейцев стало широко известно, что в правительственных кругах на нее смотрят с неодобрением. На некоторое время это представление помешало успеху ее работы. В Индии ничего нельзя добиться, если первоначальный толчок делу не дадут европейцы; во всяком случае, отсутствие подобного импульса страшно затрудняет любое предприятие, при котором требуется сотрудничество с коренным населением. Нельзя сказать, что Теософическому Обществу не удалось вовлечь в свои ряды новых членов. Туземцам льстила позиция, занятая по отношению к ним их новыми "европейскими" друзьями, каковыми, несомненно, считались мадам Блаватская с полковником Олькоттом, невзирая на их американское гражданство. Индийцы проявляли пылкое поверхностное желание стать теософами, однако их пыл не всегда оказывался длительным, и в некоторых случаях они демонстрировали прискорбный недостаток серьезности, навсегда отпадая от Общества.

Между тем мадам Блаватская стала заводить друзей среди европейцев. В 1880 году она посетила Симлу, где начала - увы, с большим

опозданием - искать правильный подход к работе. Тем не менее и тогда были снова допущены которые просчеты, которые замедлили утверждение Теософического Общества в Индии, мешая этой организации занять то достойное место, которое ей подобало. В разное время при большом стечении народа проводились демонстрации множества удивительных оккультных феноменов; но при этом не принимались необходимые меры предосторожности против той великой опасности, которая всегда присутствует в случае, если внимание публики к оккультной науке привлекают подобным методом. Если феномены демонстрируются в безупречных условиях перед людьми, которые достаточно умны, чтобы понять значительность этих явлений, то это, бесспорно, вызывает особый эффект, пробуждающий жажду изучения оккультной философии, - такой эффект, которого не может произвести никакое иное воздействие. Но столь же верно (хотя, на первый взгляд, это может показаться не столь очевидным), что умы, совершенно не подготовленные предшествующим обучением к тому, чтобы уловить действие оккультных сил, воспримут даже самый безупречный феномен скорее как оскорбление своему разуму, нежели как доказательство действия оккультной силы. Это в особенности относится к людям, чей ум ни в чем не выходит за рамки посредственности и чьи возможности не позволяют выдержать потрясение оттого, что им предлагают совершенно

новый набор идей. Напряжение слишком велико; еще несколько разрывов логической цепи - и воспитанный на банальностях наблюдатель возвращается в свою исходную позицию бесстрастного скептицизма, совершенно не осознавая того факта, что ему предложили откровение бесценного интеллектуального значения, а он его не понял. Нет ничего привычнее заявления: "Не могу поверить в реальность необыкновенного явления, пока не увижу его собственными глазами. Покажите его мне, тогда и поверю, но никак не раньше". Бесчисленные люди, которые это говорят, полностью заблуждаются насчет того, во что они поверили бы, если бы явление им действительно показали. Мне вновь и вновь приходилось наблюдать, как перед глазами людей, не привыкших изучать подобные явления, проходили феномены, абсолютно достоверные по своей природе, которые, однако, не производили на зрителей никакого иного впечатления, кроме раздраженной уверенности, что их непонятным образом дурачат. Именно так и случилось в Симле во время некоторых особенно ярких демонстраций оккультных явлений, произведенных в ходе упомянутого визита мадам Блаватской в этот город.

Нет нужды говорить, что при том обилии оккультных феноменов, которые либо осуществлялись самою мадам Блаватской, либо происходили при ее посредничестве, число горожан, которым не удавалось попасть на

представления, значительно превышало число зрителей. А последним вся серия феноменов, как правило, казалась просто обманом. Сторонников данного предположения ничуть не смущало, что во всем этом деле бросается в глаза отсутствие каких-либо мотивов для жульничества и что значительная группа лиц, чья компетентность никогда не подвергалась сомнению во время дискуссий на другие темы, настойчиво заявляла о полнейшей реальности демонстрируемых феноменов. Заурядный ум оказался не в силах воспринять мысль о том, что он столкнулся лицом к лицу с откровением, которое посылает Природа; оказалось, что большинство людей предпочитает великолепной простоте истины любую сомнительную гипотезу, какими бы абсурдными и нелогичными ни были ее составляющие части.

(продолжение предполагается)

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

*Перевод с английского А.П. Хейдока**

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.
2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

* Продолжение. Начало в № 5.

ШУРПА (Санскр.) "Веялка".

СУРТУР (Сканд.) Предводитель огненных сынов Муспела в "Эддах".

СУРУКАЯ (Санскр.) Один из "Семи Будд", или Сапта Татхагат.

СУРЬЯ (Санскр.) Солнце, которому поклонялись в "Ведах". Отпрыск Адити (Пространства), матери богов. Супруг Санджны, или духовного сознания. Великий бог, которого Вишвакарман, его тесть, создатель богов и людей, и их "плотник", распинает на верстаке, укорачивает на восьмую часть его лучи, лишает его голову лучезарности, образуя вокруг нее темный ореол. Тайна последнего посвящения и аллегорическое ее представление.

СУРЬЯСИДДХАНТА (Санскр.) Санскритский трактат по астрономии.

СУРЬЯВАНША (Санскр.) Солнечная раса. Сурьяванши - тот, кто заявляет о своем происхождении от рода, возглавляемого Икшваку. Таким образом, тогда как Рама принадлежал к Айодхья Династии Сурьяванши, Кришна принадлежал к роду Яду лунной расы, или Чандраванши, как и Готама Будда.

СУРЬЯВАРТА (Санскр.) Степень или стадия Самадхи.

СУШУМНА (Санскр.) Солнечный луч - первый из семи лучей. Также название спинного нерва, соединяющего сердце с Брамарандрой и играющего крайне важную роль в практике Йоги.

СУШУПТИ АВАСТХА (Санскр.) Глубокий сон; один из четырех аспектов Пранавы.

СУТРА (Санскр.) Вторая группа священных писаний, предназначенная для буддистов-мирян.

ПЕРИОД СУТР (Санскр.) Один из периодов, на которые разделена ведийская литература.

СУТРАТМАН (Санскр.) Букв., "нить духа"; бессмертное Эго, Индивидуальность, которая воплощается в людях жизнь за жизнью, и на которую, подобно бусам, нанизаны его бесчисленные Личности. Всемирный жизне-поддерживающий воздух, Самашти пран; всемирная энергия.

СВАБХАВАТ (Санскр.) Востоковедами объясняется как "пластическая субстанция", что является неадекватным определением. Свабхават есть мировая субстанция и вещество, или, вернее, то, что стоит за ним - дух и сущность субстанции. Это название происходит от Субхава и состоит из трех слов: су - хороший, совершенный, прекрасный, красивый; сва - самость; и бхава - бытие, или же состояние бытия. Из него вся природа исходит и в него все возвращается в конце жизненных циклов. В Эзотеризме он назван "Отец-Матерь". Это - пластическая сущность материи.

СВАБХАВИКА (Санскр.) Древнейшая из существующих школ Буддизма. Они относили проявление вселенной и физических феноменов к Свабхаве или соответственной природе вещей. Согласно Уильсону, Свабхавы вещей суть "врожденные свойства качеств, посредством которых они действуют как успокаивающие, ужасающие или же ошеломляющие, а Сварула-формы суть отличие двуногих, четвероногих, зверей, рыб, животных и т.п."

СВАДХА (Санскр.) Жертва; аллегорически называемая "женой Питри", Агнишваттов и Бархишадов.

СВАХА (Санскр.) Привычное восклицание, означающее "Пусть это сохранится навеки" или, вернее, "пусть будет так". Когда употребляется при родовых жертвоприношениях (браминских), оно означает "Пусть этот род сохранится навеки!"

СВАПАДА (Санскр.) Протоплазма, клетки, или микроскопические организмы.

СВАПНА (Санскр.) Транс или состояние сновидений. Ясновидение.

СВАПНА АВАСТХА (Санскр.) Состояние сновидений; один из четырех аспектов Пранавы; упражнение в Йоге.

СВАРАДЖ (Санскр.) Последний или седьмой (синтетический) луч из семи солнечных лучей; то же, что Брама. Эти семь лучей образуют

полную гамму семи оккультных сил (или богов) природы, как это отлично показывают их соответствующие названия. Они суть: Сушумна (луч, который переносит солнечный свет на луну); Харикеша, Вишвакарман, Вишватриярчас, Саннадхас, Сарвавасу и Сварадж. Так как каждый из них означает одного из творящих богов или Сил, то легко усмотреть, какими значительными являлись функции солнца в глазах древних, и почему оно обожествлялось простонародьем.

СВАРГА (Санскр.) Небесная обитель, то же, что Индра-лока; рай.

СВАР-ЛОКА (Санскр.) Рай на Горе Меру.

СВАСАМ ВЕДАНА (Санскр.) Букв., "размышление, которое анализирует само себя"; синоним Парамартхи.

СВАСТИКА (Санскр.) В народном представлении - крест Джайна, или "четвероногий" крест (croix cramponnee). В масонских учениях говорится, что "самый древний Орден Братства Мистического Креста" был основан Фохи, в 1027 г. до Р.Х., и введен в Китае 52 года спустя; он состоит из трех степеней. В Эзотерической Философии - это самая мистическая и древняя диаграмма. Это "создатель огня через трение и создатель "Сорока девяти Огней"." Этот символ был запечатлен на сердце Будды, и поэтому называется "Печатью Сердца". Его кладут на грудь Посвященных после их смерти; и он с величайшим почтением упомянут в "Рамаяне". Он высечен на каждой скале, храме или доисторическом памятнике в Индии, а также всюду, где буддисты оставили свои вехи; он встречается также в Китае, Тибете и Сиаме, и, как Молот Тора - среди древнегерманских народов. Как его описал Эйтель в своем "Hand-Book of Chinese Buddhism": (1) "он встречается среди бонпо и буддистов"; (2) это "одна из шестидесяти пяти фигур Шрипады"; (3) это "символ эзотерического Буддизма"; (4) "отличительный знак всех божеств, которым поклонялись в Школе Лотоса в Китае". И, наконец, в Оккультизме для нас он столь же священен, как Пифагорейский Тетрактис, символом-двойником которого он поистине является.

СВАСТИКАСАНА (Санскр.) Вторая из четырех основных поз из восьмидесяти четырех, предписанных в упражнениях Хатха Йоги.

СВАЯМБХУ (Санскр.) Метафизический и философский термин, означающий "спонтанно само-порожденный" или "само-сущее существо". Эпитет Браммы. Сваямбхува также является именем первого Ману.

СВАЯМБХУ ШУНЬЯТА (Санскр.) Спонтанное само-развитие; само-существование реального в нереальном, т.е. Вечного Сат в периодическом Асат.

ШВЕТА (Санскр.) Змий-дракон; сын Кашияпы.

ШВЕТА-ДВИПА (Санскр.) Букв., Белый Остров или Континент, один из Сапта-двип. Полковник Вильфорд стремился отождествить его с Великобританией, но ему это не удалось.

ШВЕТА-ЛОХИТА (Санскр.) Имя Шивы, когда он появляется в 29-ой Кальпе как "Кумара цвета луны".

СВЕДЕНБОРГ ЭММАНУИЛ Великий шведский провидец и мистик. Он родился 29 января 1688 г., и был сыном д-ра Джаспера Сведберга, епископа Скары в Вестготланде; умер в Лондоне, на Грейт Бас Стрит, Клеппенвиль, 29 марта 1772 г. Из всех мистиков, Сведенборг, несомненно, больше всех повлиял на "Теософию"; однако он оставил еще более глубокий след в официальной науке. Ибо если как астроном, математик, физиолог, натуралист и философ он не имел себе равных, то в психологии и метафизике он, несомненно, был позади своего времени. Когда ему исполнилось 46 лет, он стал "теософом" и "провидцем"; но хотя его жизнь всегда была безупречной и почтенной он никогда не был истинным филантропом или подвижником. Его способности ясновидения, все же, были замечательными; однако не вышли за пределы этого плана материи;

все, что сказано им о субъективных мирах и духовных существах, очевидно является больше плодом его буйной фантазии, нежели его духовного проникновения. Он оставил множество трудов, которые ужасно неправильно поняты его последователями.

СИЛЬФЫ Розенкрейцерское наименование элементаров воздуха.

СИМВОЛИЗМ Образное выражение идеи или мысли. Изначальное письмо сперва не имело букв, обычно символ выражал целую фразу или предложение. Символ, таким образом, есть записанное иносказание, а иносказание - устный символ. Китайская письменность представляет собой нечто иное, как символическое письмо, каждый из нескольких тысяч знаков которого является символом.

СИЗИГИ (Греч.) Гностический термин, означающий пару: один - активный, другой - пассивный. Относится главным образом к Зонам.

Т

(Вследствие ошибочной транслитерации, санскритские слова, начинающиеся с букв Tsh. помещены неправильно и должны находиться под С.)

Т. - Двенадцатая буква алфавита. В латинском алфавите значение ее было 160, а с чертой (Т) - 160 000. Это последняя буква еврейского алфавита, Тау, эквивалентами которой являются Т, ТН, и числовое значение 400. Ее символами были: в качестве тау - крест +, остов основания строения; и в качестве тет (Т), девятой буквы, - змея и корзина Элевзинских мистерий.

ТААРОА (Таити.) Созидательная сила и главный бог таитян.

ТАБ-НУТ (Евр.) Форма; каббалистический термин.

ТАД-АЙКИЯ (Санскр.) "Тождественность"; отождествление или единство с Абсолютом. Всемирная, непознаваемая Сущность (Парабрахм) в "Ведах" не имеет названия, к нему обычно обращаются как к Тад, "То".

ТАФНЕ (Египет.) Богиня; дочь солнца, изображаемая с головой львицы.

ТАХМУРАТ (Перс.) Иранский Адам, конем которого был Симорг Анке, грифон-феникс, или бесконечный цикл. Повторение или воспоминание о Вишну и Гаруде.

ТАОР (Евр.) Букв., Mundus, мир; имя данное Божеству, - такое определение указывает на веру в Пантеизм.

ТАТ ЭСМУН (Египет.) Египетский Адам; первый человеческий предок.

ТАЙДЖАСИ (Санскр.) Сияющий, пламенный - от Теджас, "огонь"; иногда употребляется для обозначения Манаса-рупы, "тела мысли", а также звезд.

ТАЙРИЯГИОНЬЯ (Санскр.) Пятое творение, или, вернее, пятая ступень творения, творение низших животных, пресмыкающихся, и т.д. (См. "Тирьяксрота".)

ТАИТТРИЯ (Санскр.) Одна из "Брахман" "Яджур Веды".

ТАЛАПОЙН (Сиам.) Буддийский монах и аскет в Сиаме; некоторым из этих аскетов приписываются большие магические силы

ТАЛИСМАН От арабского *tilism* или *tilsam*, "магическое изображение". Предмет, сделанный либо из камня, металла, либо из священного дерева; часто кусок пергамента, заполненный буквами и изображениями, нанесенными под определенными планетными воздействиями в виде магических формул, даваемый сведущим в оккультных науках кому-либо из несведущих, с целью или охранить его от зла, или для удовлетворения определенных желаний. Все же, наибольшая сила и эффективность талисмана заключается в вере его обладателя; и это не из-за легковёрности последнего, и не потому, что талисман не обладает силой, но потому что вера есть качество, обладающее очень мощной созидательной силой, и поэтому - бессознательно для самого верующего - стократно увеличивает силу, первоначально сообщенную талисману его изготовителями.

ТАЛМИДАЙ ХАКАМИМ (Евр.) Класс мистиков и каббалистов, которые в "Зохаре" названы "Учениками Мудрого", и которые были сарисим, или добровольными евнухами, становясь такими по духовным соображениям. (См. "От Матфея", XIX, 11-12, место, где восхваляется подобный акт.)

ТАЛМУД (Евр.) Раввинские комментарии по еврейскому вероучению. Он состоит из двух частей: древняя, Мишна, и более современная, Гемара. Евреи, называя "Пятикнижие" писанным законом, называют "Талмуд" написанным или устным законом. (у.у.у.)

"Талмуд" содержит гражданские и церковные законы евреев, приписывающих этой книге большую святость. Ибо, за исключением вышеуказанной разницы между "Пятикнижием" и "Талмудом", первое, как они заявляют, не может претендовать на приоритет перед последним, так как обе были получены Моисеем на Горе Синай от Иеговы одновременно, и Моисей одну записал, а другую передал устно.

ТАМАЛА ПАТТРА (Санскр.) Безупречный, чистый, подобный мудрецу. Также название листа *Laurus Cassia*, дерева, якобы обладающего разными очень оккультными и магическими свойствами.

ТАМАРИСК или Эрика. Священное дерево в Египте, обладающее большими оккультными свойствами. Многие храмы были окружены этими деревьями, особенно храм в Филэ, священный из священнейших, так как считалось, что под ним захоронено тело Озириса.

ТАМАС (Санскр.) Качество тьмы, "загрязненности" и инертности; также качество невежества, так как материя слепа. Термин, используемый в метафизической философии. Это низшая из трех гун или основных качеств.

ТАММУЗ (Сир.) Сирийское божество, почитавшееся евреями идолопоклонниками так же, как и сирийцами. Женщины Израиля совершали ежегодный плач над Адонисом (этот прекрасный юноша тождественен с Таммузом). Праздник, устраиваемый в его честь, был связан с солнцестоянием, и начинался с новолуния в месяце Таммуза (июле); проходил главным образом в Библосе в Финикинии; но его праздновали даже в четвертом веке нашей эры в Вифлееме, так как Св. Иероним выражает ("Послания", с. 49) свои жалобы следующими словами: "На Вифлееме роца Таммуза, то есть Адониса, бросала свою тень! И в гроте, где некогда кричал младенец Иисус, оплакивали возлюбленного Венеры". И, действительно, в Мистериях Таммуза или Адониса целая неделя проводилась в оплакиваниях и скорби. За погребальными процессиями следовал пост, и затем веселья; ибо считалось, что после поста Адонис-Таммуз воскресал из мертвых, и дикие оргии с весельем, едой и питьем, как теперь на Пасху, продолжались без перерыва несколько дней.

ТАМРА ПАРНА (Санскр.) Цейлон, древняя Тапробана.

ТАМТИ (Халд.) Богиня, то же, что и Белита. Тамти-Белита есть олицетворенное Море, мать города Эрех, халдейского Некрополя. Астрономически Тамти - это Асторет или Иштар, Венера.

ТАНАИМ (Евр.) Еврейские Посвященные, очень ученые каббалисты древних времен. "Талмуд" содержит различные легенды о них и приводятся имена главных из них.

ТАНГА-ТАНГО (Перуан.) Идол, пользующийся большим почитанием у перуанцев. Это символ Triune, или Троицы, "Один в трех и три в Одном", и существовал уже до нашей эры.

ТАНХА (Пали.) Жажда жизни. Желание жить и привязанность к жизни на этой земле. Эта привязанность и является причиной перевоплощения или реинкарнации.

ТАНДЖУР (Тибет.) Собрание буддийских трудов, переведенных с Санскрита на тибетский и монгольский языки. Это самый обширный канон, содержащий 225 больших томов по разным темам. Канджур, который содержит указания или "Слово Будды", состоит лишь из 108 томов.

ТАНМАТРЫ (Санскр.) Типы или зачатки пяти Стихий; тонкие сущности последних, лишенные всех качеств и тождественные свойствам пяти основных Стихий - земли, воды, огня, воздуха и эфира; т.е. танматры, в одном из своих аспектов, суть: обоняние, вкус, осязание, зрение и слух.

ТАНТРА (Санскр.) Букв., "закон или ритуал". Определенные мистические и магические труды, главной особенностью которых является поклонение женской силе, олицетворенной в Шакти. Дэви или Дурга (Кали, супруга Шивы) есть особая энергия, связанная с половыми ритуалами и магическими силами - худшая из форм черной магии и колдовства.

ТАНТРИКА (Санскр.) Церемонии, связанные с вышеупомянутым поклонением. Шакти обладает двоякой природой, белой и черной, доброй и злой, потому шакты делятся на два вида, дакшиначарьи и вамачарьи, или шакты правой и левой руки, т.е. "белые" и "черные" чародеи. Поклонение последних - в высшей мере распущенное и безнравственное.

ДАО (Кит.) Название философии Лао-цзи.

ТАЕЭР (Егип.) Женский Тифон, гиппопотам, называемый также Та-ur, Та-ор-оер, и т.д.; она - Thoueris греков. Эту супругу Тифона изображали в виде чудовищного гиппопотама, сидящего на задних лапах с ножом в одной руке и священным узлом в другой (паша Шиви). Спина ее была покрыта чешуей крокодила, и она имела хвост крокодила. Она также называется Теб, из-за чего Тифона иногда также называют Тебом. На памятнике шестой династии она названа "кормилицей богов". В Египте ее боялись даже больше Тифона. (См. "Тифон".)

ДАО-ДЕ-ЦЗИН (Кит.) Букв., "Книга о Совершенстве Природы", написанная великим философом Лао-цзы. Это своего рода Космогония, включающая все основные доктрины Эзотерического Космогенезиса.

Так, он говорит, что в начале не было ничего, одно только беспредельное и бесконечное Пространство. Все, что живет и существует, было рождено в нем, от "Принципа, который существует Сам по Себе, развивая Себя из Себя", т.е. от Свабхавата. Так как имя его неизвестно и сущность непостижима философы называли это Дао (Анима Мунди), несотворенная, нерожденная и вечная энергия природы, проявляющаяся периодически. Природа, также как и человек, достигает чистоты, достигает и покоя, и тогда все становится единым с Дао, что есть источник всего блаженства и счастья. Как в индуистской и буддийской философии, подобная чистота и блаженство, и бессмертие может быть достигнуто лишь через осуществление добродетели и абсолютного спокойствия нашего земного духа; человеческий ум должен управлять и, в конце концов, побороть и даже уничтожить бурную деятельность физической природы человека; и чем раньше он достигнет необходимой степени нравственной чистоты, тем счастливее он будет себя чувствовать. (См. "Annales du Musee Guinet", тт. XI и XII; д-р Грут, "Etudes sur la Religion des Chinois".) Как выразился известный китаист Потье: "Человеческая Мудрость никогда не применяла язык более святой и глубокий".

ТАПАС (Санскр.) "Отвлечение", "медитация". "Совершать тапас" значит сидеть с целью созерцания. Поэтому аскетов часто называют тапасами.

ТАПАСА-ТАРУ (Санскр.) *Sesamum Orientale*, дерево, которое было очень священо среди древних аскетов Китая и Тибета.

ТАПАСВЫ (Санскр.) Аскеты и отшельники буддийской, браминской и даоистской религии.

ТАФОС (Греч.) Гробница, саркофаг, который помещался в Адитуме и использовался для целей посвящения.

ТАКО-ЛОКА (Санскр.) Царство дэв огня, называемых Вайраджами. Оно именуется - "мир семи мудрецов", а также "царство искупления". Одна из Шашта-лок (шести миров) над нашим, седьмым.

ТАРА (Санскр.) Супруга Брихаспати (Юпитера), похищенная Царем Сомой, Луной, что привело к войне между Богами и Асурами. Тара олицетворяет мистическое знание, в противоположность ритуалистической вере. Она - мать (с Сомой) Будха, "Мудрости".

ТАРАКА (Санскр.) Описывается, как данава и дайтья, т.е. "Великан-Демон", сверхчеловеческий аскетизм которого как йога заставил богов опасаться за свою власть и верховенство. По преданию, был убит Карттикеей. (См. "Тайная Доктрина", II, 479.)
ТАРАКАМАЙА (Санскр.) Первая война на Небесах из-за Тары.

ТАРАКА РАДЖА ЙОГА (Санскр.) Одна из браминских систем Йоги для развития чисто духовных сил и знания, ведущего к Нирване.

ТАРГУМ (Халд.) Букв., "Толкование", от корня тарген, толковать. Изложение еврейских Писаний. Некоторые из Таргумов очень мистичны, причем арамейский (или таргумский) язык используется по всему "Зохару" и другим каббалистическим книгам. Чтобы отличить этот язык от еврейского, называемого "лицом" священного языка, его называют *ahorayim*, "задняя часть", истинный смысл которой следует читать между строк, согласно определенным методам, которые давались изучающим. Латинское слово тергум, "спина", произведено от еврейского или, вернее, арамейского и халдейского таргум. "Книга Даниила" начинается на еврейском языке, и вполне понятна до гл. II, 4, когда халдеи (Маги-Посвященные) начинают говорить с царем на арамейском - не на еврейском, как неправильно переведено протестантской Библией. Перед тем, как он начинает объяснять царю свой сон, Даниил говорит на еврейском, но сам сон он объясняет (гл. VII) на арамейском. "Так же и в "Ездры" (IV, V и VI) слова царей приводятся буквально, но все это на арамейском языке", говорит Исаак Мейер в своей "Каббале". Существуют Таргумы разных веков; последние уже являют знаки мазоретской, или системы гласных, что делает их еще более полными умышленных маскировок. Совету "Pirke Aboth" (г. I, параграф 1) - "Укрой Тору" (закон) - поистине верно следовали как в Библии, так и в Таргумах; и мудр тот, кто сумеет истолковать их правильно, если только он не испытанный оккультист-каббалист.

ТАШИЛУМПА (Тибет.) Большой центр монастырей и учебных заведений в трех часах ходьбы от Шигатзе; резиденция Таши Ламы, о котором подробнее см. "Панчен Римпоче". Он был построен в 1445 г. по указу Цонг-к'а-па.

ТАССИСУДУН (Тибет.) Букв., "святой город учения"; однако, в нем больше дугпа, чем святых. Это главная резиденция в Бутане церковного Главы секты Б'он - Дхарма Раджи. Последний, хотя по собственному признанию северный буддист, является просто поклонником древних богов-демонов местных жителей, - природных духов или элементаров, которым поклонялись в этой стране до введения Буддизма. В Восточный или Великий Тибет не допускается ни один иностранец, и тем немногим ученым, которые осмеливаются

путешествовать в этих запретных районах, не позволяют углубиться дальше пограничных областей земли Бод. Они скитаются по Бутану, Сиккиму, повсюду вдоль границы этой страны, но не могут ничего узнать об истинном Тибете, а следовательно - об истинном Северном Буддизме или Ламаизме Цонг-к'а-па. И несмотря на это, описывая не больше, чем ритуалы и верования секты Б'он и странствующих шаманов, они убеждают мир, что дают ему чистый Северный Буддизм, и рассуждают о его великом отпадении от своей первоначальной чистоты.

ТАТ (Егип.) Египетский символ: вертикальная круглая стойка, суживающаяся кверху, с четырьмя поперечинами наверху. Использовалась в качестве амулета. Верхняя часть представляет собой обычный равносторонний крест. Последний, на своей фаллической основе, символизировал два принципа в творении, мужской и женский, и относился к природе и космосу; но сам по себе тат, с атф (или атеф) наверху, тройной короной Гора - двумя перьями с уреем впереди - представлял собой семеричного человека, причем крест, или две крестовины, означает низшую четверку, а атф - высшую триаду. Как метко замечает д-р Берч: "Четыре перекладины ... представляют четыре основы всех вещей, а тат является символом прочности".

ТАТХАГАТА (Санскр.) "Тот, который подобен грядущему"; тот, кто, подобно своим предшественникам (Буддам) и преемникам, является грядущим будущим Буддой или Спасителем Мира. Один из титулов Готамы Будды, и самый высший, поскольку первый и последний Будда были прямыми непосредственными аватарами Единого Божества.

ТАТХАГАТАГУПТА (Санскр.) Тайный или сокрытый Татхагата, или "охраняющий", защищающий Будда: относится к Нирманакаям.

ТАТТВА (Санскр.) Вечно сущее "То"; также различные принципы в Природе, в их оккультном значении. "Таттва Самаса" - труд по философии Санкхья, приписываемый самому Капиле.

Также, абстрактные принципы существования или категории, физические и метафизические. Тонкие элементы - пять экзотерически, семь в эзотерической философии - относящиеся с пятью и семью чувствами на физическом плане; последние два чувства все еще латентны в человеке, но будут развиты в последних двух коренных расах.

ТАУ (Евр.) То, что теперь стало еврейской квадратной буквой тау, но задолго до изобретения еврейского алфавита являлось египетским

крестом с рукояткой, крукс ансата римских народов, и идентично с египетским анкх. Этот знак принадлежал и теперь принадлежит исключительно Адептам каждой страны. Как доказывает Кеннет Р.Ф.Маккензи, "это был символ спасения и освящения, и как таковой был принят в качестве масонского символа в Royal Arch Degree". Он также называется астрономическим крестом, и им пользовались древние мексиканцы - что доказывает его присутствие на одном из храмов Паленке, - также как и индусы, ставившие тау в качестве знака на лбу своих Чела.

ТЕЛЕЦ (Лат.) Одно из самых таинственных созвездий Зодиака, связанное со всеми "Первородными" солнечными богами. Телец отмечен буквой А, которая является его знаком в еврейском алфавите - буквой Алеф; и потому это созвездие называется "Один", "Первый" - по вышеупомянутой букве. Отсюда и "Первородные", которым всем оно и было посвящено. Бык есть символ силы и порождающей мощи - Логоса; отсюда и рога на голове Изиды, женского аспекта Озириса и Гора. Древние мистики в рогах Тельца (верхняя часть еврейского Алефа) усматривали крест с рукояткой, отбрасывающий Дракона, а христиане связывали этот знак и созвездие с Христом. Св.Августин называет его "великим Градом Бога"; египтяне - "толкователем божественного гласа", Апис-Пацисом Гермонта. (См. "Зодиак".)

ТАЙГЕТ (Греч.) Одна из семи дочерей Атласа - третья, ставшая впоследствии одной из Плеяд. Эти семь дочерей, по преданию, олицетворяют семь подрас четвертой коренной расы, расы атлантов.

ЧАЙТЬЯ (Санскр.) Любая местность, сделанная священной в связи с каким-либо событием в жизни Будды; термин, означающий то же по отношению к богам, и любое место или объект поклонения.

ЧАКЧУР (Санскр.) Первая Виджняна (см.). Букв., "око", подразумевающая способность зрения или, вернее, оккультное восприятие духовных и субъективных реальностей (Чакшур).

ЧАКРА или Chakra (Санскр.) Заклинание. Диск Вишну, служивший в качестве оружия; колесо Зодиака, а также колесо времени и т.д. У

Вишну он был символом божественной власти. Одна из шестидесяти пяти фигур Шрипады, или мистического отпечатка ступни Будды, который содержит это число символических фигур. Чакра используется в месмерических феноменах и других аномальных опытах.

ЧАНДАЛЫ или Chhandalas (Санскр.) Изгнанные или люди без касты, название, которое теперь дается всем низшим классам индусов; но в древности оно относилось к определенному классу людей, которые, потеряв право на какую-либо из четырех каст - браминов, кшатриев, вайшьев и шудр - изгонялись из городов и искали убежища в лесах. После они стали "каменщиками", пока окончательно изгнанные, они не покинули страну, примерно за 4000 лет до н.э. Некоторые видят в них предков ранних евреев, племена которых начались с А-брама, или "Не-Брама". Вплоть до наших дней этот класс наиболее презирается браминами в Индии.

ЧАНДРАГУПТА или Chandragupta (Санскр.) Сын Нанды, первый буддийский Царь Династии Мориа, дед Царя Ашоки, "любимец богов" (Пиядаси).

ЧАТУР МАХАРАДЖА (Санскр.) "Четыре царя", Дэвы, которые сторожат четыре стороны вселенной, и связаны с Кармой.

ЧЕРНО-БОГ (Слав.) "Черный бог"; главное божество древнеславянских народов.

ЧЕРЧЕН Оазис в Центральной Азии, расположенный где-то в 4000 футах над рекой Черчен Дарья; самый очаг и центр древней цивилизации, со всех сторон, над и под землей, окруженный бесчисленными руинами городов и мест погребений всех видов. Как сообщил покойный полковник Пржевальский, этот оазис населен примерно 3000 людьми, "которые представляют собой остатки примерно ста народностей и рас, ныне исчезнувших, сами имена которых неизвестны современным этнологам."

ЧХАНДА РИДДХИ ПАДА (Санскр.) "Ступень желания", термин, употребляемый в Раджа Йоге. Это конечное отречение от всех желаний как *sine qua non* условие феноменальных сил, и вступление на прямой путь Нирваны.

ЧИКИЦА ВИДИА ШАСТРА (Санскр.) Трактат по оккультной медицине, содержащий значительное количество "магических" рецептов. Это одна из "Панча Видиа Шастр", или Священных Писаний.

ЧИНА (Санскр.) Название Китая в буддийских трудах; это страна называется так начиная с династии Цинь, которая была основана в 349 г. до н.э.

ЧИТТА РИДДХИ ПАДА (Санскр.) "Ступень памяти". Третье состояние мистического ряда, ведущего к достижению адептства; т.е. отречение от физической памяти, и от всех мыслей, связанных со светскими или личными событиями в жизни - благами, личными радостями или ассоциациями. Физической памятью необходимо пожертвовать, и призывать ее силою воли, тогда когда она абсолютно необходима. Риддхи Пада, букв., четыре "Ступеньки к Риддхи", суть четыре способа управления и, наконец, уничтожения желания, памяти, и в конечном счете самой медитации - постольку, поскольку они связаны с каким-либо усилием физического мозга - и тогда медитация становится чисто духовной.

(продолжение предполагается)

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции: вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Москвич с Чистых Прудов

Саша и Глеб ужинали обычно в ресторане: цены не намного выше, чем в столовой, зато сиди хоть до двенадцати часов. Выпивали иногда по-крепкому. Глеб к этому привык, Саша втягивался. Неизвестно, что будет завтра, проживем сегодня.

Как-то Глеб сказал:

- Сегодня в ресторане увидишь наше начальство.

- Марию Константиновну?

- Тетка важная из Москвы приехала в командировку, Машкина знакомая. Вот она ей прием устраивает, за счет Семена, конечно. И Нонка с ним.

- А мы чего туда подемся?

- Они сами по себе, мы, дорогуша, сами по себе. Они по котлетам "де-воляй" ударят, мы с тобой водяру под селедочку хлебнем.

В ресторане Саша с Глебом сидели, как всегда, в углу, Семен со своими спутницами - в середине зала, возле них хлопотали официанты во главе с женщиной-администратором, — значит, рассматривают как высоких персон.

Со своего места Саша хорошо видел всю компанию: Семен, Нонна и две женщины. Брюнетка, как сказал Глеб, и есть Мария Константиновна, вторая - пышная, рыжеволосая

- крупный чин из Москвы. Красивые, ухоженные, хорошо одетые дамы, лет тридцати пяти или около того, обращали на себя внимание. Оркестр играл мелодии из кинофильмов, певица цыганских романсов не пела.

- Из-за этой мадамы только Дунаевского с Блантером и наявивают, - заметил Глеб, - идеологию выдерживают. Но бабцы - дай Бог на пасху!

Семен Григорьевич обернулся, посмотрел в сторону Саши и Глеба. Они его взгляд перехватили, но не подали вида. Вслед за Семеном обернулись и дамы.

- Семен показывает свою команду. - Глеб подмигнул Саше. - Машка тут - сила, мужиков к себе подпускает с большим выбором, я к ней подкатывался, отшила. Вот Семен свой товар, то есть тебя, и расхваливает: какой у меня интеллигентный ассистент, с высшим образованием, из Москвы. Обхаживает этих бабенок. Москвичка, между прочим, инструктор ЦК по театрам, большая шишка. А с Машкой училась вместе. Машка потому и смелая такая, что в Москве рука есть, в случае чего выручит. Хорошо иметь в Москве такую руку, а?

- Наверно, неплохо...

- Большая сила. Захотела бы мне помочь, все бы моментально устроила. Конечно, по-ихнему, по-цековски, по телефону. - В голосе Глеба зазвучали начальственные нотки: - "Смотрели мы тут работы художника Дубинина.

Интересные работы". Чувствуешь, дорогуша, оценки нет: интересные, и все. "Есть мнение". Понял? Не решение, а всего лишь мнение. "Надо помочь товарищу" - это по-ихнему значит не официально, а по-человечески. В общем, "направляем к вам Дубинина Глеба Васильевича на должность главного художника театра". И возьмут, не пикнут.

- Тебе актером быть...
- Я все могу, дорогуша!

На следующий день обе дамы, сопровождаемые Семеном Григорьевичем, явились во Дворец труда. Уселись в кресла, положили рядом пальто, не оставили в раздевалке: значит, ненадолго пришли.

В зале много прежних Сашиных учеников, помогали ему Когда Саша хлопал в ладоши и провозглашал: "Так, внимание", - или: "Так, приготовились", - все смотрели, что он показывает. Сегодня разучивали первую фигуру вальса-бостон, самый сложный урок, надо кружиться, как в вальсе, только первый шаг длинный. Тем, кто не умел вальсировать, было трудно осваивать поворот.

Саша видел, что Семен и его спутницы смотрят на него, даже поворачиваясь к ним спиной, чувствовал их взгляды. И когда очутился рядом с ними, Семен поманил его пальцем. Саша хлопнул в ладоши:

- Стоп! Попрактикуйтесь сами. - Обернулся к своим бывшим ученикам. - Ребята, девочки, помогите разучить поворот.

И подошел к Семену Григорьевичу. Тот познакомил его с дамами:

- Ульяна Захаровна, Мария Константиновна, Александр Павлович.

- Вот вы какой, оказывается, - сказала Мария Константиновна. - Приехали и сразу стали знаменитостью.

Что-то бурятское проскальзывало в ее широких скулах, в темно-карих узких глазах, она была благожелательна, но добрым лицом не назовешь.

Саша показал на зал:

- Вот вся моя знаменитость.

Ульяна Захаровна, улыбаясь, смотрела на него.

Красивая, статная, рыжие волосы заплетены в косу и уложены на затылке короной, в больших, широко открытых зеленовато-серых глазах улыбка, мягкая, но что-то еще проскальзывает. Саша не мог понять что - любопытство?

Семен Григорьевич встал, сказал с наигранной простоватостью мэтра:

- Ну что ж, Саша, поболтайте немного с нашими гостями, а я позанимаюсь с вашими подопечными.

- Нет-нет. - Мария Константиновна тоже встала. - Проводите меня к директору. - Она посмотрела на часы. - У нас есть еще двадцать минут. Мы наверх, в театр идем, - пояснила она Саше, - к вам зашли по дороге.

Цель этого маневра была ясна: оставить его наедине с Ульяной Захаровной.

- Присаживайтесь. - Она, попрежнему улыбаясь, подняла на Сашу свои большие глаза, чуть прищурилась, не спешила отводить их и показала на кресло рядом с собой.

- Спасибо. - Саша сел.

Она повернулась к нему, пахло хорошими духами, облокотилась на ручку кресла, почти касаясь его грудью.

- Мне сказали, вы из Москвы.

- Да, из Москвы, с Арбата.

Она широко раскрыла глаза, опять в них замелькало что-то непонятное Саше.

- Мы соседи, я живу на улице Грановского.

- Не в Пятом ли доме Советов?

Черт! Сорвалось с языка, сейчас начнет расспрашивать, откуда он знает этот дом, поинтересуется фамилиями знакомых. Кого он назовет? Расстрелянного Будягина? Судя по фамилиям врагов народа, мелькавших в газетах, там всех уже пересажали. А вместо них живут эти, новая элита.

- Угадали. - Она еще ближе наклонилась к нему.

- У вас там знакомые?

- Некоторые ребята из этого дома учились в нашей школе: Петя Ворошилов, дочери Ивана Ивановича Михайлова - Вера и Тамара. Это было давно, лет десять назад, я уж всех позабыл.

Она положила свою руку на его, ладонь была пухлая, теплая, с доверительной улыбкой проговорила:

- Может быть, мы и учились вместе? Где вы учились?

- В транспортном институте.

- В транспортном? - удивилась она. - Какое отношение к танцам имеет транспортный институт?

- Инженер из меня получился неважный, тянуло к музыке, танцам. Я не один такой.

Ему стал утомителен этот разговор. Как бы разминаясь, Саша повел плечами, освободил свою руку, откинулся на спинку кресла.

- Дайте вашу руку. - Она опять взяла его ладонь в свою. - Я вас так быстро не отпущу. Может быть, я тоже хочу учиться танцам. Будете меня учить?

- Пожалуйста, хоть сейчас.

- Сейчас мы с Марией идем в театр, так что потом. Вы правы, Саша. - Она произнесла его имя с ударением, как бы подчеркивая их взаимную приязнь и доверие. - Вы правы,

многие артисты имеют образование, далекое от их нынешних профессий, и я могла бы что-нибудь для вас сделать. Я знаю руководителей всех ансамблей - и Александрова, и Игоря Моисеева. Конечно, там большой конкурс, и все же товарищи постараются вам помочь. Но вот уже идет Мария, мы еще продолжим наш разговор. Когда вы заканчиваете занятия?

- В десять.

- Спектакль кончается в четверть одиннадцатого. Подождите нас, посидим у Маши, поговорим.

И, не дожидаясь Сашиного ответа, встала. Саша подал ей пальто.

- Упала она на тебя, - сказал Глеб.

- Вроде бы.

- Там работы много.

- Уж больно сановная.

- Зато опытная, на этом карьере сделала.

- Просила подождать. Да черт его знает! Настроения нет. Не пойду.

- Ты что, дорогуша, спятил? Все у них обговорено, весь план разработан, зря, думаешь, пришли? Она на тебя еще вчера глаз положила. Там уже и выпивон, и закусон - все приготовлено. Тебя в гости приглашают, а ты отказываешься. И не думай! Мария Константиновна тебе этого ввек не простит. Не забывай, ты ей многим обязан. И через месяц-два твоя прописка кончится, опять к ней придешь: "Выручайте, Мария Константиновна".

А она тебе: "Извините, Александр Павлович, вы нашим обществом пренебрегаете, так что на нас больше не рассчитывайте". И права будет.

Саша колебался. Конечно, заманчиво. Но что-то сдерживало. Из ЦК партии, о чем он будет с ней разговаривать? Зачем ему это нужно?!

- Такая красotka! - продолжал Глеб. - Только дурак откажется. Венера, Афродита! Будь она местная, сам бы ее обхаживал. А поскольку она из Москвы, важная персона, в тебе твое чистоплюйство заговорило: ах, что обо мне подумают, скажут, ищу выгоду, делаю карьеру, а я не Растиньяк, не Потемкин, не граф Орлов, а высокоморальная личность...

- Смотри, - усмехнулся Саша, - до Растиньяка добрался!

- Дорогуша! - Глеб в улыбке обнажил свои белые зубы. - Никакой ты не Растиньяк и не Потемкин. Что она тебе, минус твой отменит? Твой минус никто не может отменить, да ты об этом и не заикнешься. А если что случится, так мало что случается в приятной компании, когда рядом такая женщина.

(продолжение предполагается)

1001 смерть

А.П.Лаврин¹

ГЕРМАНИЯ

Рудольф Плейль. Этот полноватый человек с круглым опухшим лицом, в круглых очках с никелированной оправой скорее был похож на растяпу-бухгалтера, напортачившего в годовом отчете, нежели на безжалостного убийцу. Плейль вполне годился на роль героя банального детективного романа - в том смысле, что на таких людей подозрение падает в последнюю очередь. Увы!

Жизнь порой копирует самые расхожие штампы ремесленников от детектива.

Именно Плейль в одиночку или с сообщниками совершил целую серию убийств в конце 1940-х годов.

С марта 1946 по март 1947 гг. в районе между Хофом (Бавария) и Ильценом (Нижняя Саксония) было обнаружено 9 трупов.

Эрика М., 32 года. Была изнасилована, ограблена и убита ударами по голове.

Неизвестная, 25 лет. Убита молотком с целью изнасилования и ограбления.

¹ Москва, «Ретекс», 1991.

Обнаружена недалеко от лесной дороги 19 июля 1946 г., спустя 2 дня после убийства.

Неизвестная, 20-25 лет. Тяжелое повреждение черепа и глубокая резаная рана горла. Сброшена на дно семиметрового колодца возле железнодорожной станции. Обнаружена 20 августа 1946 г., на другой день после убийства.

Инга Х., 23 года. Изнасилована и убита булыжником. Обнаружена в подлеске у проселочной дороги 4 сентября 1946 г., через день после убийства.

Фрау Х., 25 лет. Обнаружена в лесу 9 ноября 1946 г., спустя месяц после убийства.

Криста З., 25 лет. Убита ударами по голове подковой. Обнаружена в ноябре 1946 г.

Маргот М., 20 лет. Убита ударами тупым предметом по голове. Обнаружена 17 января 1947 г., на другой день после убийства.

Фрау Ш., 49 лет. Тяжелые повреждения черепа, сделанные железным прутом, и признаки полового преступления. Найдена в лесу под штабелем дров в феврале 1947 г.

Неизвестная молодых лет. В начале марта 1947 г. найден ее череп.

Уголовная полиция, у которой, конечно, хватало забот в послевоенной

Германии, не смогла раскрыть ни одного из этих преступлений. Когда срок, положенный для расследования, прошел, прокуратура прекратила дела за недостатком улик.

Между тем, в ночь с 13 на 14 апреля 1947 г. недалеко от Цорге с целью ограбления был убит топором 52-летний бизнесмен Беннен из Гамбурга.

Расследование позволило довольно быстро установить убийцу - спекулянта Рудольфа Плейля. Оставленные на топоре отпечатки пальцев дали в руки полиции неопровержимые улики. Плейля судили и приговорили к 12 с половиной годам тюрьмы. Во время суда Плейль заявил, что убил в состоянии гнева, поскольку обещал Беннену тайком переправить его в советскую зону (напоминаю, тогда Германия была поделена на зоны между союзными державами, но еще не было ФРГ и ГДР), однако из-за того, что много выпил накануне, сбился с пути. Беннен разозлился и стал ругать Плейля. "Бухгалтер" в конце концов вышел из себя и в приступе ярости топором зарубил спутника. На суде выяснилось, что Плейль, ко всему прочему, страдает эпилепсией.

За два года тюремной отсидки Плейль "прославился" жестоким, садистским отношением к сокамерникам. Его пытались урезонить - ничего не помогало.

Когда терпение тюремной администрации лопнуло, Плейля направили на психиатрическую экспертизу в лечебницу известного психиатра доктора Кенигслюттера. Среди других тестов в лечебнице был тест на алкоголь. Отвыкший от спиртного Плейль быстро опьянел и, находясь в состоянии хмельного блаженства, начал хвастаться, что в марте 1946 г. изнасиловал и убил женщину. Врачи отнеслись к сообщению скептически (возможно, в этом был тонкий психологический расчет). Недоверие врачей возмутило Плейля. Он разодрал подкладку пиджака и вытащил листок бумаги, на котором его преступление было описано в подробностях. Оказывается, Плейль хотел, чтобы этот листок нашли после его смерти, но пьяное тщеславие подвигло его на самораскрытие. Он решил, что может прославиться на всю страну. Ошеломленным врачам заключенный самодовольно бросил:

- Господа, настал час, чтобы вы узнали, кто находится перед вами. Я, Рудольф Плейль, - величайший убийца всех времен!

Поскольку врачи по-прежнему с вежливой недоверчивостью качали головами, Плейль пришел в бешенство и стал рассказывать все в мельчайших

подробностях. Врачи попросили его изложить рассказ на бумаге и затем направили эту бумагу в прокуратуру.

Что происходит с бумагой, поступающей в учреждение? Правильно, ее регистрируют, ставят дату и входящий номер и... спускают дальше. Обычная бюрократическая волокита. Прокуратура поручила разобраться с этим делом уголовной полиции Брауншвейга. Ну, а там... там сочли Плейля заурядным хвастуном, и признание убийцы затерялось в лабиринтах полицейского аппарата.

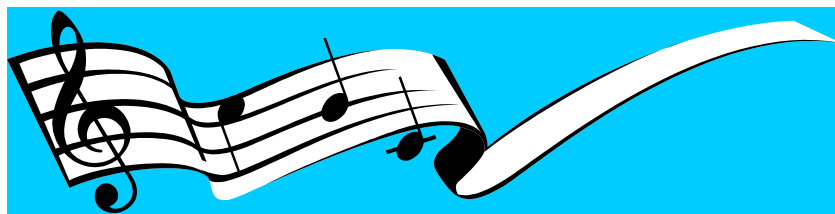
Меж тем Плейль в своей камере жадно кидался на свежие газеты. Черт возьми, где же аршинные заголовки с его фамилией? Газеты писали о трениях между союзниками, об очередной девальвации марки, о новой роли Греты Гарбо, но Рудольфа Плейля почему-то никто не поминал. Словно его и не существовало. Обидно, господа. Тогда Плейль решил прославиться на другом поприще - он решил стать профессиональным палачом и накатал соответствующее письмо-заявление бургомистру города Винебурга. В письме, где он вновь хвастался своим преступлением, были, в частности, такие строки:

"...Они тут мне не верят, что я человек, который умеет быстро и хорошо

убивать. Вы должны оказать мне услугу: пойти туда и прислать мне документ, что там действительно лежит мертвая старуха. Мой рюкзак лежит там же, в яме". В конце письма он приписал:

"Пожалуйста, поторопитесь с ответом, чтобы я поскорее получил разрешение и мог наконец-то начать вешать. Преданный Вам Рудольф Плейль".

Бургомистр оказался человеком мудрым и передал письмо в полицию. И только тогда полиция начала проверять сведения, сообщенные Плейлем. Подняли нераскрытые дела, где был похожий почерк убийства. И еще одно дело вспомнила полиция, дело, в котором пострадавшая, Люси З., случайно уцелела. Показания фрау З. и самого Плейля позволили установить, что в большинстве случаев у убийцы были сообщники - 50-летний Карл Хофман и 18-летний мясник Конрад Шюслер. Плейль заявил, что он и его "помощники" убили в общей сложности 26 женщин и девушек. Часть из этих преступлений была полиции неизвестна, а часть уже нельзя было проверить. В ноябре 1950 г. состоялся суд. К этому времени смертная казнь в ФРГ была отменена, и Плейля (как и его сообщников) приговорили к пожизненному заключению.

КОЗЁЛ НА САКСЕ

Алексей КОЗЛОВ

(главы из новой книги)

"Но все это относится к рациональной стороне науки об импровизации. Существует еще и мистическая сторона. В мировой практике встречаются солисты, обладающие даром гипноза и овладевающие аудиторией по своим собственным законам, заставляя себя слушать и восхищаться их игрой. Я уверен, что такие музыканты, как Никколо Паганини, Джимми Хендрикс или Майлз Дэвис были настоящими экстрасенсами. В принципе, любой солист должен быть в какой-то степени гипнотизером, если не шаманом."

"В джазовой традиции схема пьесы довольно проста. Сперва излагается тема, а

затем солисты играют по очереди свои импровизации, используя одну и ту же последовательность аккордов, соответствующую теме. С появлением новых видов джаза - модального, джаз-рока или фьюжн - возникли другие подходы к построению формы. Солисты стали играть импровизации по гармоническим схемам, отличающимся от основной темы, разные солисты стали применять разные схемы в рамках одной пьесы, между солистами стали делаться оркестровые вставки, являющиеся побочными, то есть новыми темами. Таким образом форма произведений в новом джазе значительно усложнилась, приблизившись в некотором смысле к симфонической музыке."

*** * ***

Глава 3.

Пионерская блатная жизнь

В детстве у меня было как бы две разные компании друзей. Одна - дворовая, другая - пионерлагерная, летняя, но постоянная из года в год. Во дворе, бывшем, по сути дела, миниатюрной детской моделью советского социума со всеми его жесткими законами, были перемешаны и крепко дружили между собой дети рабочих, служащих, интеллигентов,

люмпенов, профессиональных воров и мошенников. Здесь были и маменькины сынки из обеспеченных семей, и вечно голодные "огольцы", дети не то пропавших без вести, не то временно "сидящих" родителей, просто сироты, жившие под слабым надзором дальних родственников, каких-то бабок и теток.

Компания, съезжавшаяся ежегодно на все три смены в пионерлагерь, тоже была достаточно разношерстной. Лагерь был от Московского Педагогического института им. Ленина, где преподавал мой отец. Вожатыми были студентки института, а пионерами - дети преподавателей, с одной стороны, и дети техперсонала (т.е. гардеробщиц, уборщиц и т.п.) - с другой. Месторасположение института - Усачевка - определяло и географию местожительства детей второй категории. Так что летом моими друзьями были юные представители усачевской шпаны, а не только профессорские дочки. Впрочем, тогда никакие социальные и даже половые различия особого значения не имели, ни во дворе, ни в лагере. Играли все вместе в одни и те же игры, ходили в походы, пели одни и те же песни. Вот в такой обстановке и возник пафос "пионерско-блатного" пения, еще больше объединявший наше поколение. Но почему детей из самых разных социальных слоев общества так захватил пафос жизни преступного мира, смешанный с романтикой пиратов и атаманов, "ковбойцев" и мстительных красавцев-

испанцев? Причин тому было много, и одна из них крылась довольно глубоко, в самой сути сталинской идеологии, с ее гигантской системой концлагерей, служившей постоянным фоном всей советской действительности. Я не открою Америки, если скажу, что в постоянной борьбе за власть Сталин делал ставку на преступный мир. Известно, что в системе Гулага негласно поощрялся террор уголовников по отношению к "политическим". Главный "пахан" страны Иосиф Джугашвили, сам бывший в молодости террористом и налетчиком на банки, прекрасно понимал, что такое власть "паханов" в Гулаге. А так как вся советская страна тогда фактически являлась моделью большой "зоны", то вполне естественно, что тюремно-лагерная эстетика с ее жаргоном, манерой поведения и неписаными законами переносилась жизнь простых обывателей, в мир "фраеров". Образ "урки" вызывал не только трох, но и особое чувство, напоминающее уважение. Урка был не просто рискованным и ловким, он жил по жестким воровским законам, которые, в отличие от государственных, нарушать было нельзя. И их строго соблюдали, не шли без крайней надобности на "мокрые" дела, и, в частности, не грабили артистов и музыкантов... Нарушение воровского закона каралось подчеркнуто жестоко, чтоб еповадно было. Если во дворе, на помойке или в подъезде мы иногда находили часть человеческого тела, то все знали, что это бандит, который "ссучился", или кого-то продал,

или что-то сделал не по закону. С другой стороны, уголовный мир не был бессмысленно жестоким по отношению к обычным людям, "фраерам", своим жертвам, да и между бандами "разборки" проходили не так открыто и шумно. В дворовой жизни среди мальчишек среднего возраста был модным образ уркагана, смешанный с образом матроса. Помню, как классе в третьем, не желая отставать от всеобщего поветрия, я понаделал себе наколок, надел на зуб "фиксу" из фольги, обрезал козырек у обычной кепки, сделав "малкозырку", попросил бабушку вставить клинья в брюки, чтобы они стали "клешами", пытался достать "тельник". В пионерском лагере одна вожатая научила меня "бацать" на семиструнной гитаре, после чего я стал во дворе неотъемлемой частью пионерско-воровской компании, собиравшейся по вечерам на лавках вокруг деревянного стола, чтобы попеть любимые песни, станцевать чечетку-цыганочку с заходом, поиграть в карты, в "очко" или "петуха", уже в темноте, подсвечивая себе спичками. Я и сам научился неплохо бить чечетку, если кто-нибудь другой аккомпанировал.

Одним из наиболее мощных средств воздействия на сознание масс в формировании всенародно любимого образа приклатненного "героя" было "важнейшее из искусств" - кино. Начиная с "Путевки в жизнь", образы, созданные такими выдающимися актерами как

П. Алейников, Б. Андреев, Н. Крючков, М. Бернес или М. Жаров, оказывали колоссальное воздействие на внутренний мир подрастающих советских поколений. Это были положительные герои, передовики труда, храбрые солдаты и матросы, отважные разведчики, но с повадками блатных, а иногда и явные воры и бандиты, но уж больно симпатичные (например герой Н. Крюкова в фильме "Котовский"). Ваня Курский Петра Алейникова был кумиром послевоенных мальчишек, его манере двигаться и говорить было так легко и приятно подражать. Те, у кого это лучше получалось, становились любимцами двора. Помню, как, играя "в войну", мы повторяли эпизоды из фильма "Малахов курган", стараясь в точности воспроизвести движения матроса, который перед тем, как выйти из укрытия и броситься под танк со связкой гранат, отдавал товарищу недокуренную папиросу, с любовью оттягивал широченную брючину своих "клешей" и говорил: "Прощайте, меня звали Колей". Все это делалось нами на полном серьезе и с неистовым пафосом. Одним из мощнейших носителей приклатненности в советской культуре был, несомненно, Леонид Утесов, популярнейший на всех уровнях, от урок до правительства, певец, актер и шоумен. Начало его карьеры во времена НЭПа было тесно связано с исполнением блатных песен. В моей детской коллекции патефонных пластинок были записи Утесова 20-х годов с таким репертуаром, как "С Одесского кичмана", "Гоп со

смыком" и "Лимончики". Пластинки эти были запилены до предела, там почти не осталось бороздок и слушать их было бесполезно. Но я хранил их как реликвию, поскольку было известно, что они были запрещены. Действительно, Утесов, становясь все более популярным, постепенно менял тематику. Сперва это были песни с морским уклоном - "Ведь ты моряк, Мишка", "Раскинулось море широко", затем с лирическим и патриотическим, но задушевная, блатная одесская интонация не исчезала в его манере никогда. Чрезвычайной популярностью у советских людей пользовался всегда образ остроумного и положительного жулика - Остапа Бендер. В послевоенные времена книги Ильфа и Петрова "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок" официально были изъяты из школьной программы по истории советской литературы и не переиздавались до хрущевских времен. Но все читатели, от мала до велика, зачитывались их довоенными изданиями. Было очень популярным "хохмить" летучими фразами Остапа Бендер в самых разных жизненных ситуациях. Многие ходячие выражения, такие как "Может, Вам дать ключи от квартиры, где деньги лежат?" - стали жить своей жизнью, без сопоставления с источником.

Нас всех тогда заставляли носить в школе пионерский галстук и редполагалось, что каждый пионер будет находиться в галстук и после школы, до самой ночи. Никто особенно за этим, правда, не следил. Хотя, если кто-то из

учителей (не дай Бог - классный руководитель) случайно встречал ученика-пионера вне школы без галстука, он обязательно делал замечание или предупреждение. Мы все это прекрасно понимали и поэтому большинство школьников относились к галстукам безо всякого благоговения, скорее как к обязательной формальности. Обычно, выйдя из школы, за пределы видимости, многие скорее снимали галстук и прятали его в карман, а то еще кто-нибудь из двора увидит тебя в нем, а это значит - засмеют. Между собой галстук назывался "селедкой". Уже позднее, в хрущевские времена, когда икра исчезла из системы торговли и, перейдя в сферу партраспределителей, стала дефицитом, народ откликнулся такой шуткой, пародировавшей пионерскую клятву: "Как наденешь галстук - береги его, ведь с красною икрою он цвета одного!". Но все же, в сталинские годы, официальное отношение к этому символу было достаточно серьезным, особенно после войны, когда к образу Павлика Морозова добавились имена пионеров-героев, посмертно прославившихся в борьбе с фашистами. Ближе к концу советской власти в народе, воспитанном на образах героев, появилась неизвестно кем придуманная хохма о некоем Павлике Матросове, который закрыл амбразуру телом своего отца. Это был уже полный крах идеологии.

И все-таки, оказываясь во дворе, послевоенные дети попадали в свой особый

мир, совершенно отличающийся от школы и скрытый от мира родителей. В принципе, это был типичный "андеграунд", его детская разновидность. Здесь все мальчишки говорили на естественном "матерном" языке, который автоматически забывался дома и в школе. При девочках никто не "ругался", даже самая шпана, - это считалось дурным тоном. Чисто блатные песни пелись только в мужской компании, а песни романтического невинного содержания - вместе с девочками. Мне кажется, что повышенный интерес детей того периода к надуманной романтической тематике возник во многом благодаря специфической детской литературе, имевшей воздействие на воображение пионеров. Прежде всего я имею в виду произведения Александра Грина с его вневременной и внегеографической действительностью, с вымышленными городами, странами и ситуациями. С большим энтузиазмом пелись тогда такие шедевры, как "В Кейптаунском порту", "Юнга Билл", "В нашу гавань заходили корабли", "В стране далекой Юга" ("Джон Грэй"). Кейптаун, в котором "Жанетта" поправляла такелаж, был для нас таким же нереальным, как гриновский Зурбаган. Так как эта романтика охватывала учеников начальных классов, где еще не проходили "Евгения Онегина", и поэтому еще не знали слова "повеса", то в песне о Джоне Грэе вместо "был он большой повеса.." пели "был он большой по весу.." . И таких aberrаций было

немало. Кстати, в упомянутой песне было одно непонятное и тревожащее душу место, где "Рита и крошка Нелли его пленить сумели, часто обеим в любви он клялся..". Любовь втроем не совсем укладывалась в детском воображении. Ну, а когда после окончания войны в клубах начали показывать уже упомянутые "трофейные" фильмы, то они получили вполне определенную связь с песенной тематикой. Такие слова, как "...вот в воздухе сверкнуло два ножа, пираты затаили все дыханье, все знали атамана как вождя, и мастера по делу фехтованья.." - приобретали вполне конкретный смысл. Выходило так, что в играх мы нередко визуализировали свои любимые песни.

Не менее будоражащими психику были далеко не детские песни типа "Девушка в серенькой юбке" о благородном, мужественном капитане и коротком адюльтере в каюте, с богатой и недоступной на первый взгляд пассажиркой. С другой стороны, было немало юмористических и даже пародийных песен, которые обнаруживали как бы двойное дно, где проявлялось ироничное отношение поющих ко всему этому жанру. Так, в одной из песен на распространенную тему мести вора своей неверной подруге, был следующий финал: "Сразу хмель покинула головушку, из кармана выхватил наган, и зарезал я свою зазнобушку, а в ответ услышал: "Хулиган!" ... Существовали и совсем невинные песни с экзотическим уклоном, типа "На острове Таити жил негр Тити-Мити и

попугай Ке-Ке", "Надену я черную шляпу, уеду я в город Анапу", а также откровенно шуточные - "Ко мне подходит санитарка - звать Тамарка", "Мама, я повара люблю..", "Чемоданчик", "Помнишь Мезозойскую культуру" на мотив популярного танго Леонида Утесова "Если любишь - найди", и много других. Были и совсем похабные юморные песни, которые все малолетки пели, лихо подражая взрослым, но в глубине души стесняясь и не все понимая. Ну, например: " Пошла я раз купаться, за мной следил бандит, я стала раздеваться, а он мне говорит..." - дальше вспоминайте сами.

Нельзя не упомянуть любимые всеми пионерами песни, где слова, сочиненные неизвестно кем, были положены на давно известные мелодии. Это относится, в первую очередь, к песне "На далеком Севере эскимосы бегали", которая пелась на мотив очень популярного довоенного американского фокстрота "Девушка играет на мандолине". На основе старой еврейской мелодии "Бай мир бист ду шен" было сочинено много разных новых слов. Например, в годы войны Леонид Утесов записал на пластинку замечательную, остроумную песню "Барон фор дер Пшик", а во дворах пользовалась огромной популярностью песня на ту же мелодию - "Старушка не спеша дорожку перешла, ее остановил милиционер..." Причем в этой песне присутствовал явный национальный колорит, поскольку старушка оправдывалась перед милиционером, говоря

"Ах Боже, Боже мой, ведь я иду домой, сегодня мой Абраша выходной..." Дальше шло длинное описание того, что она несла ему в сумочке, и все это пелось с еврейским акцентом. Но я твердо помню, что при этом никакого антисемитского смысла в песню не вкладывалось. Это был просто юмор. Вообще во дворе национализм не процветал. Конечно, иногда могли обозвать кого-нибудь "жиденком" или "армяшкой", но это было довольно редко и в каких-то крайне нервных ситуациях, сгоряча. Но после этого рассчитывать на дружбу с тем, кого обозвали, не приходилось. А это вносило определенные сложности в дальнейшую дворовую жизнь — например, при формировании команд для игры в футбол, в лапту, в казаки-разбойники. Кстати, прощения просить было не принято, поэтому обида забывалась не скоро.

Среди блатных песен, которые пелись всем двором, независимо от степени принадлежности поющих к настоящему блатному миру, была отдельная категория, относящаяся к теме взаимоотношений воров с их родителями. Чаще всего это было покаяние вора перед матерью, которая страдала от того, что ее родной сын погибает в зоне. Вспомнить хотя бы такие фразы: "У всех дети как дети, а ее - в лагерях...", "А мать по сыну плачет и страдает, болит и стонет надорванная грудь..." В песенных сюжетах зэк нередко вспоминал о матери в тяжелую, роковую минуту - "...Я тебя не увижу,

моя родная мама, вохра нас окружила, "руки в гору!" кричат...". Отец у вора чаще всего оказывался подлецом, бросившим мать с маленьким сыном, что и определяло его дальнейшую судьбу: "Вот вырос сын, с ворами он спознался, он стал кутить и дома не бывать, он время проводил в притонах и разврате, и позабыл свою старушку-мать...". В одной из песен таким отцом оказывался даже прокурор, который, узнав, кого он послал на расстрел, сам повесился "над двойною могилою". Надо сказать, что песни этого типа и сейчас кажутся образцом довольно высокой морали, очевидно, утраченной в наше время. А учитывая огромное влияние двора на его обитателей, не побоюсь сказать, что многие из таких песен имели определенное воспитательное значение, как ни парадоксально это звучит. "Классические" блатные песни типа "Гоп со смыком", "Мурка", "На Дерибасовской открылася пивная" или "Жора, поддержи мой макинтош" уже тогда воспринимались как нечто традиционное и немосковское (о НЭПе и Одессе узнали позднее). Извечная же тема продажной марухи "МУРки" была отражена в ряде других песен, в таких "шедеврах", как "В кепке набок и зуб золотой" или "Я помню день, когда тебя я встретил". Эти песни пелись безо всякого юмора, на полном серьезе. Такие сакраментальные фразы, как "Костюмчик серенький, колесики со скрипом, я на тюремную одёжку променял, за эти восемь лет немало горя

видел, и не один на мне волосик полинял..." или "Он лежал так спокойно и тихо, как гитара осенней порой, только кепка валялась у стенки, пулей выбило зуб золотой..." - воспринимались, к сожалению, как большая поэзия и западали в душу безоговорочно и надолго.

Была неуловимая грань, за которой для пионеров ложный пафос романтики игры в блатных заканчивался. В каждом дворе было немало настоящих уркаганов, щипачей, форточников, фуфлыжников, майданщиков и представителей других профессий, самых разных возрастов, от психически неуравновешенных шкетов-огольцов с "мойками" до великовозрастных "лбов", некоторые из которых уже отсидели сроки и были знакомы с тюремным пафосом отнюдь не по песням. Когда вечерами большая, разношерстная компания собиралась в нашем дворе, чтобы попеть, мне кричали в окно, и я "выходил во двор", беря свою гитару. Если костяк такой компании составляли взрослые, имеющие отношение к уголовному миру, то исполнялось главным образом настоящие лагерные и тюремные песни, где не было никакой романтики, а была тоска, ненависть и безнадега. Достаточно вспомнить - "По тундре, по железной дороге, где мчится поезд Воркута - Ленинград" или "Я помню тот Ванинский порт". Пионеры тоже иногда подпевали, но в то же время понимали, что лучше в этот ад не

попадать, лучше прожить в какой-нибудь другой "романтике", не связываясь с законом.

Время шло, мы выросли. Одни, окончив семилетку становились старшеклассниками и собирались дальше получать высшее образование, другие шли в техникумы и ФЗУ, третьи вообще бросали школу и вливались в скрытый от нас "фартовый" мир, иногда исчезая на год и появляясь вновь, с несколько изменившимися повадками и выражением глаз. Двор был настолько увлечен своей бурной жизнью, что отсутствие некоторых ребят, отбывающих короткие сроки в исправительно-трудовых учреждениях, часто вообще не замечалось. Лишь позже мы узнавали, что кто-то "отсидел". Дружба от этого не прерывалась, но чувствовалось, что те, кто побывал "там", заметно изменились, повзрослели и потеряли прежнюю пионерско-романтическую наивность, и, я бы сказал, радость бытия. Когда я учился в девятом-десятом классах, пение во дворе под гитару потеряло для меня смысл и было вытеснено танцами под патефон. Более того, сам двор стал терять свое значение в моей жизни. Что касается песен, то меня продолжали интересовать те из них, которые являли собой образцы городского фольклора, пронизанные своеобразным, нелепым, даже сюрреалистическим юмором. Как правило, это были песни, сочиненные во время и после войны, и отнюдь не в зоне. Прежде всего к ним

относилось все, что было связано с судьбой фронтовиков, вернувшихся с войны. Одной из животрепещущих тем была неверность жен, — взять, хотя бы такую песню, как "Я был батальонный разведчик, а он - писаришка штабной, я был за Россию ответчик, а он спал с моею женой...". В других песнях описывалась трагедия калек, потерявших на войне ноги, руки или зрение, и брошенных своими родными и любимыми. Через несколько лет после войны немало калек, брошенных государством на произвол судьбы, превратились в обозленных, спивающихся граждан, бездомных и безработных. В общественном транспорте, особенно в электричках было тогда множество нищих-попрошайек, инвалидов войны, которые развлекали пассажиров песнями, составившими особый жанр, характерный своим историческим уклоном и ни с чем не сравнимой ритмикой. В этих песнях нищий обычно выдавал себя то за сына Льва Толстого ("Жил-был советский писатель, Лев Николаич Толстой, не ел он ни рыбы, ни мяса, ходил по квартире босой..."), либо за сына римского кардинала ("Теплый дождик прошел над Ватиканом, собрался кардинал по грибы, вот приходит он к римскому Папе, папа-папа, ты мне подсоби..."). Песни такого типа уже тогда начала коллекционировать интеллигентная публика как образцы китча. Их пели в компаниях, на вечеринках наряду с псевдоблатными песнями нового типа, сочиненными уже как пародии на дворовый

фольклор. Мне кажется, к ним относится песня, начинавшаяся словами: "Стою я раз на стреме, держуся за наган, и вдруг ко мне подходит незнакомый мне гражданин..." Интеллигентская подделка проступает в этой песне с момента, когда воры, проявляя патриотизм, отказываются продать шпиону "советского завода план". Там есть замечательные строки - "Советская малина собралась на совет, советская малина врагу сказала "Нет". И после сдачи шпиона властям НКВД - "Меня благодарили власти, жал руку прокурор, а после засадили под усиленный надзор"...Уже будучи студентом, я услышал блатную песню нового типа и более позднего происхождения - "Когда с тобой мы встретились, черемуха цвела", - прекрасную подделку, автор которой мне неизвестен.

В послевоенной жизни в быту советских людей огромное значение имел патефон. Он скрашивал жизнь в самые трудные ее периоды. Его заводили дома, во дворах, на пикниках, на всех сблищах, свадьбах, именинах, праздничных вечеринках. Распространившийся уже в 50-е годы электрофон отнюдь не сразу вытеснил своего предшественника. Патефон, не требовавший подключения к электророзетке, можно было носить с собой куда угодно, во двор, за город, в гости. В последние годы войны и сразу после нее колоссальное эмоциональное воздействие на людей оказывали военные патриотические песни. Поразительно, насколько

война стимулировала появление на свет несметного количества ярчайших образцов поэзии и мелодики, гениальных песен, в огромной степени повлиявших на подъем искреннего патриотического чувства, сыгравших свою роль в войне с фашизмом. С первых же дней войны зазвучала грозная и трагическая песня "Священная война". Она сразу стала маршем войск, уходящих на фронт, маршем-вальсом на три четверти, когда сильная доля попадает то на левую, то на правую ногу. Но этого никто не замечал, главное, что песня своей первой фразой "Вставай, страна огромная!" сразу объединила всю страну. Ну, а такие песни, как "Темная ночь", "Днем и ночью", "Эх, дороги", "Домик на Лесной", "Второе сердце", "Два Максима", "Борода ль моя бородка", "Шел старик из-за Дуная", "Мы, друзья, перелетные птицы" и многие другие, стали неотъемлемой частью жизни советских людей. Культ Сталина сыграл во время войны колоссальную роль. Некоторые песни первого периода войны, связанные с именем Сталина, имели мощное эмоциональное воздействие. У меня, семилетнего мальчика, мурашки по спине бегали, когда я слышал песню со словами: "В атаку стальными рядами мы поступью твердой идем, родная столица за нами, рубеж нам назначен Вождем..." или: "Артиллеристы, Сталин дал приказ, артиллеристы, зовут Отчизна нас! И сотни тысяч батарей, за слезы наших матерей, за нашу Родину, Огонь! Огонь!"

Песни были настолько мелодичны и в тоже время просты, что их моментально запоминали и пели все, даже не имея слуха. Мальчишки, играя во дворе в войну, обязательно пели какие-нибудь фразы из таких песен, сопровождая свои бесстрашные поступки.

После войны, с теми, кто вернулся с фронта, из Европы к нам попали пластинки Петра Лещенко и Александра Вертинского. Они заняли свою особую нишу в бытовой патефонной культуре. Прежде всего, они несли особую романтику, лирику, противоположную военной, так необходимую людям, уставшим от войны. Кроме того, на них лежала печать не то, чтобы запретности, а определенной недозволенности. Никто толком ничего не знал, но по слухам, Лещенко был не то посажен, не то расстрелян, и за что - неизвестно. А Вертинский в сознании многих был явный эмигрант белогвардейского толка, о чем свидетельствовали не всегда понятные слова его песен. Но это не мешало коллекционировать такие пластинки, доставая их всеми правдами и неправдами. Более простой народ, естественно, увлекался песнями Лещенко, тематика и язык которых напоминали деревенский быт нэпмановских времен. "У самовара я и моя Маша", "Дуня, люблю твои блины", "Чубчик кучерявый" , "Моя Марусенька" - все это стало явно чуждым мне, десятилетнему мальчику, сразу же. Причем чуждо в классовом смысле слова. Я скоро ощутил, что это

деревенское, то есть - не мое. Вот Вертинский, несмотря на заумные тексты и неприятное грассирование, сразу показался своим.

Где-то в конце 40-х наша промышленность выпустила новую модель портативного мини-патефона с выдвигающейся трубой. Я уговорил отца купить его и стал собирать пластинки, постоянно посещая магазин культтоваров около Савеловского вокзала. После войны стали появляться замечательные лирические песни, сменившие суровые военные. Многие из них были посвящены колхозной тематике. Очевидно, это было результатом какой-то целенаправленной политики. Песни были одна мелодичнее другой, весь народ дружно пел их тогда, проявив массовые музыкальные способности. Это были "И кто его знает", "Одинокая гармонь", "За дальнею околицей", "Сирень-черемуха", "Влюбленный бригадир", "Каким ты был" и многие другие. Все эти песни сыграли неоценимую роль, поднимая настроение и работоспособность в немыслимом процессе восстановления жизни разрушенной страны. К привычным голосам Утесова, Бернеса, Козина и Руслановой стали добавляться более сладкие тембры Бунчикова и Нечаева, Георгия Виноградова, Розы Баглановой.

Была еще одна категория послевоенных песен, стоявших несколько особняком, но тоже всенародно любимых. Это патриотические песни, поющиеся от лица тех, кто-либо живет

вне Родины, либо имеет возможность изменить ей, но не может. Ну, взять хотя бы "Летят перелетные птицы" с сакраментальной разой: "не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна!" , как будто был выбор. А песня со словами : "Бананы ел, пил кофе на Мартинике, курил в Стамбуле злые табаки...." и далее про финики, которые вдали от Родины горьки. И там же - "Нет, не по мне краса в чужом окошечке..." и далее в таком же духе. К песням такого типа относились и "Родные берега", и "Золотые огоньки". На кого были направлены они, кого призывали к патриотизму в послевоенное время, когда внутри страны такой необходимости не было?.. Народ был и так сплочен недавней победой над фашизмом. Очевидно, это касалось тех многочисленных невозвращенцев с войны, главным образом бывших военнопленных, застрявших в Европе и боявшихся возвращаться домой, в концлагеря.

А на грани 50-х и 60-х в жизнь советского общества вошли песни таких великих бардов, как Александр Галич и Владимир Высоцкий. Корни их творчества лежат там, в нашем прибалтненном дворовом детстве, но им удалось подняться в своем жанре на высочайший общественный уровень и стать голосом совести непродажной части населения Советского Союза... Но это уже другая тема.

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая

Email: ttolstaya@hotmail.com

WWW: <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/>

Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова";
"Иностранка", 2000. — 384 стр.

ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")

ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")

УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз	И краткое	Слово	Ер
Буки	И десятиричное	Твердо	Иры
Веди	Како	Ук	Ерь
Глаголь	Люди	Ферт	Ять
Добро	Мыслете	Хер	Фита
Есть	Наш	Ща	Ижица
Живете	Он	Ци	
Зело	Покой	Червь	
Иже	Рцы	Ша	

ЩА

"Жил в городе Дели богатый водонос, и звали его Кандарпакету..." Читал.

Что ж теперь делать-то. И чем жить. Опять - словно тревога; словно бы себя потерял, а где, когда, - не заметил. И как-то страшно. Недавно думал: богач, - а спохватился, - все богатства-то позади, утекли водою. Впереди - великая сушь, пустыня. Жил в городе Дели богатый водонос...

Огляделся. Тишина. Мышь не шуршит. Тихо. Потом звуки проступают: в доме - ножика мерный стук, мясо на пельмешки рубят, а вон то - звук гладкий, утробный, - тесто, знать, катают. За окном природа шумит, сама себе жалуется: зудит, скрипит; то вдруг восплачет ветром, метелью, бросит снега в окно, и снова зудит, зудит, зудит в вершинах деревьев, гнезда качает, кронами омавает. Снега глухие, снега большие; окружили терем, метут через три забора; хлев, амбары, - всё заметают, всё укрыто бегучим, ночным, рвущимся

снегом. А сердца в нем нет, в снегу-то, а ежели и есть, - злое оно, слепое. Машет снег, машет, словно бы рукавами, взмывается до крыши, перекидывается через заборы, понесся по слободе, по улочкам, через плетеные тыны, худые крыши, за окраину, через поля, в непролазные леса, - там деревья-то попадали, - мертвые, белые, как человечесья кость; там северный кустарник можжевель иглы свои

расставил: пешего ли проколоть, санного ли; там и тропки-то петлями свернулись: за ноги схватить, спеленать; там и сучья приготовлены - шапку сбить; и колючка свесилась: ворот рвануть. Ударит снегом в спину, опутает, повалит, вздернет на сук: задержась, забьешься, а она уж почуяла, кысь-то, - она почуяла...

...Передернулся весь, замотал головой, чтоб не думать, глаза зажмурил, уши пальцами заткнул, язык высунул да прикусил; гнать ее из мыслей, гнать ее, гнать ее!.. Тело-то у ней длинное, гибкое, головка плоская, уши прижаты... Гнать ее!.. Сама она бледная, плотная такая, без цвету, - вот как сумерки, али как рыба, али как у кота на животе кожа, меж ног... Нет, нет!.. Нет!!!

...Под когтями-то у ней чешется, все чешется... А видеть ее нельзя, нельзя видеть-то ее...

Стал стучать головой об стену, чтоб звезда в глазах просверкнула, чтоб какой-никакой свет во тьме взблеснул, а ведь глаза, они такие: зажмуривай - не зажмуривай, а под веками, в красноватом мраке, все что-то копошится, перебегает: слева направо то волосы какие торопливые промелькнут, то рябь заплещет, и не прогнать ее, то предмет какой выбежит непрошенный и будто ухмыляется, а потом сам: раз! - и растает.

Отожмурил глаза; пошли колеса красные да желтые вертеться, голова закружилась, а она уж тут, ее и с раскрытыми глазами видишь! Причмокивает немножко, и лицо скривила...

Ногами стал тупать: туп! туп! туп! туп! Руками махать, потом в волосья руки запустил и дернул! Еще! Э-э-э-э-э-э-э-э!!! - закричал. - Э-э-э-э-э-э-э-э!!! Жил в городе Дели богатый водонос, и звали его Кандарпакету!!! Жил богатый водонос, жил богатый водонос! Жил - жил, жил - жил, жил богатый водонос! Да разлюлюшечки мои! Да тритатушечки мои! Да богатый водонос, да разбогатый водонос!

Сейчас наподдать бы кому, страх и злобу сорвать; то ли Оленьку отлупить - вот тебе колобашки! - а не то разбежаться да теще поджопник вдарить: пусть потом два часа колышется!..

**Побежал по лестнице вниз, не разбирая
дороги, горшок с цветком своротил, с тестем
столкнулся, крикнул:**

- Книги кончились!!! Тудыть!..

- Тудыть!!! - отозвался тесть как эхо, засверкал глазами, топнул, торкнул Бенедикту в руки, - откуда ни возьмись, - крюк двуострый, рванул дверь чулана, - швырнул Бенедикту балахон; оболочко Бенедикта, ослепило на мгновение, но прорези сами пали на глаза, всё видать как через щель, все дела людские, мелкие, трусливые, копошливые; им бы супу да на лежанку, а ветер воет, вьюга свищет, и кысь - в полете; летит, торжествуя, над городом;

- "Искусство гибнет!" - вскрикнул тесть; сани разворачивало на поворотах с визгом; красным огнем полыхают наши балахоны в метельном вое, - поберегись! - красная конница бурей летит

через город, и два столба света, светлая сила, исходят из тестевых глаз, освещая путь; надежда, защита, напор, - отступает кысь, не дадимся, нас много! - вперед, санитары, искусство гибнет! - в аспахнутой двери избы белые оладьи перепуганных лиц, - а, обоссались со страху?! - книгу! Книгу! - голубчик визжит, заслоняется локтем, выставил ногу, мечутся тени, держи его!!! в печь сует!!! - а-а, искусство жечь?! - крюком, крюком; - "Поворачивай!" - дикий крик тестя, али другого кого, не видать под балахоном; - "Поворачивай крюк-то, тудыть!" - повернул, дернул, лопнуло, потекло, закричали, вырвал книгу, к сердцу прижал, трепеща, - живу!!! - оттолкнул ногой, прыжком вылетел в метель!

...Бенедикт плакал, лежа в постели, жидкие слезы текли неостановимо, теща меняла подушки, тесть велел бабам ходить на цыпочках, говорить вполшепота и не беспокоить больного тревожными расспросами. Сам сидел у Бенедикта на постели, с краешку, поил тепленьким, нависал, качал головой, сокрушался.

- Ну как же ты, а? ну что ж ты какой неловкий... говорил тебе: крюк осторожно поворачивай, легонько так... От плеча, от плеча... А ты вон как: хрясь! да и все тут.

Бенедикт давился слезами, тихо, тоненько выл, ослабевшие пальцы дрожали, чувствуя холод и увертливость крюка, хотя никакого крюка уж в пальцах и не было, а только кружка с канпотом.

Не было - а вроде как и был, рука до локтя чувствовала хруст, вот как жука давишь: вместо того чтоб захватить книгу, да дернуть, да вырвать, - попал голубчику прямо по шее, по шейной жиле, а как крюк-то повернул неловкими пальцами, - жила и выдернись, и потекло, черное такое, и голова на сторону, и в глазыньках-то потухло, и изо рта его тоже как бы срыгнулось.

Никогда Бенедикт не убивал людей, али сказать, голубчиков, и не думал даже; побить-поколотить, - это дело другое, домашнее, каждодневное; ты его, да и он тебя, вот и квиты, ну синяк там, вывих, - все как водится. Да и прежде чем бить голубчика, надо на него распалиться, тяжесть на сердце накопить, угрюмство, чтобы синяк али вывих это угрюмство уравновесили, вот как на весах взвешивают: сюда товар, сюда гирьки, - вот тогда дашь кулаком наотмашь, - и справедливо.

А этого голубчика, что он задавил-то, он и не знал прежде, и в глаза не видывал, не распалялся на него, ничего не имел против, - живет и пушай себе живет, репу сажит, с бабой своей беседует, детушек малых на коленке качает.

А просто книгу хотел отнять, потому что отсталость в обществе большая, народ темный, суеверный, книги под лежанкой держит, а то в ямку сырую закапывает, а книга от того гибнет, гниет, рассыпается, зеленью подергивается, дырками, червоточиной; книгу спасти надо, в месте сухом и светлом содержать, холить и лелеять, беречь и целовать, - другой не будет, другой взять неоткуда, древние люди, что книгу эту написавши, сошли на нет, вымерли, и тени не осталось, и не вернутся, и не придут! Нету их!

А они, голубчики наши темные, - вона! - ни себе, ни людям, попрятали книги и гноят, и нипочем не признаются, что, мол, книга у него запрятана, а отсталость большая и Болези боятся, а Болезнь тут ни при чем, Бенедикт тыщу книг прочитал и здоров.

А на голубчика он не распалялся, это все водонос из Дели, а звали его Кандарпакету, это все тесть, - подбил под руку, подсунул крюк не вовремя, когда сердце ослепло, когда снег бесновался, да дальний вой разума лишил!.. А вот, а вот что она делает с людьми: лишает разума, летит в метели, голодная, бледная, и себя не слышишь, и в глазах звездные колеса, и рука не туда поворачивает: хрусь! - и потекло.

...А книгу уберег. Книга! сокровище мое несказанное! жизнь, дорога, просторы морские, ветром овеянные, золотое облако, синяя волна! Расступается мрак, далеко видать, раскрылась ширь, а в шири той - леса светлые, солнцем

пронизанные, поляны, тюльпаном усыпанные, ветер весенний зефир ветку качает, белым кружевом помахивает, а то кружево повернется, веером раскроется, а в нем, как в чаше какой узорной, Княжья Птица белая, рот красный, невинный: не ест, не пьет Птица Паулин, только воздухом живет да поцелуями, ни вреда от нее никакого, ни беды не бывает. А улыбнется Княжья Птица тюльпановым ртом, возведет светлые очи горе, - всё о себе пресветлой думает; опустит очи долу, - всё собой любит. А увидит Бенедикта, и скажет: пооди сюды, Бенедикт, у меня всегда весна, у меня всегда любовь...

- Золотой ты мой человек... сердце твое золотое... - сокрушался тесть, - ведь учил тебя, учил... Экой ты... Поворачивай, говорил, крюк-то, поворачивай... Говорил я тебе? Говорил! А ты?.. Что наделал-то...

Тесть качал головой, сидел, пригорюнившись, подпершись рукою, глядел с укоризной.

- Поспешил, да? Вот и поспешил... человека не уберег... Теперь уж его и не вылечишь! Разве теперь вылечишь?.. А?.. - Тесть низко склонялся, светил Бенедикту в глаза, дышал нехорошим запахом изо рта.

- Нечаянно я! - тоненько визжалось Бенедикту сквозь слезы. Слова сами писком выходили. - Напугала она меня!

- Кто напугал?

- Да кысь-то!.. Напугала! Я и промахнулся!

- Идите себе, бабы, - гнал тесть. - Зять расстроен, вишь, - незадача у него какая вышла. Переживает. Не путайтесь под ногами. Канпоту еще давайте. Каклет несите белых, мягких.

- Не хочу-у-у!

- Надо. Надо покушать-то. Бульончику тоже. Вон как сердце у тебя... бьется как... - Тесть рукой трогал сердце Бенедикту, ощупывал твердыми пальцами.

- Не трожьте! Оставьте меня!

- Что значит оставьте. Я ж медицинский работник. Состояние мне твое знать надобно? - надобно. А то смотри: дрожишь весь. Ну-ка, давай. Ну-ка, вот так. Ам! Ну-ка еще.

- Книгу...

- Эту, что изъяли-то?.. Не волнуйся. У меня книга.

- Дайте...

- Нельзя тебе, нельзя! Что ты? - лежи. Волнение очень большое. Разве можно самому? Я тебе вслух почитаю. Книга хорошая... Книга, мил человек, самый наипервейший сорт...

И Бенедикт лежал укутанный, давился бульоном и слезами, а тесть, осветив страницы глазами, водя пальцем по строчкам, важным, толстым голосом читал:

Ко-мар пи-щит,
Под ним дуб тре-щит,
Виндадоры, виндадоры,
Виндадорушки мои!

Поросеночек яичко снес,
Куропаточка бычка родила,
Виндадоры, виндадоры,
Виндадорушки мои!

Села баба на баран,
Поехала по горам,
Виндадоры, виндадоры,
Виндадорушки мои!..

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

30

Пришел день выступления.

Наташа отутюжила Данилову фрак и брюки, черную бабочку гладил он сам. Есть Данилов ничего не мог, хотя и был ему предложен горячий завтрак. Выпил лишь кофе.

Звонил Переслегин, нервно спрашивал, получил ли Данилов отгул в театре, явится ли он сегодня к шести в Клуб медицинских работников. Звонил Чудецкий, тоже нервничал, советовал Данилову привести в клуб знакомых, настроенных благожелательно к нему, Данилову, и к музыке, а то вдруг зал окажется пустым. Вчера была суматоха, и сегодня ей тоже предстояло быть. Как и в театре, когда всем

кажется, что ничего не готово, еще бы день или два, а теперь все ужасно, и актеры плохи, и декорации вот-вот рассыплются, и провал несомненен. Но суматоха и была Данилову хороша. Надо было действовать, репетировать, нестись куда-то, спорить, ругаться, отчаиваться на мгновения: "Ах, пропади все пропадом!" — и тут же опять играть, играть, чистить ботинки, стричь бороду, звонить знакомым, отговаривать их покупать цветы, "какие еще цветы, обойдетесь порченными яблоками". Нетерпение жгло Данилова. Он был бодр, энергичен, чувствовал себя хорошо, забыл о болезнях и страхе смерти!

В пять часов Данилов поехал в Клуб медицинских работников. Наташа полагала прийти туда вместе с Екатериной Ивановной после работы. Данилов почувствовал, что голоден, заскочил в чебуречную на Сретенском бульваре. Чебуреки были скверные. Но Данилов понимал, что эти чебуреки и бульон с фрикадельками, как и всё сегодняшнее, он запомнит навсегда. В сквере, на тумбе, Данилов оглядел афиши. На Переслегина с Чудецким не хватило бумаги.

"Как бы хлопобуды не отменили концерт! — явилось вдруг Данилову. — Я им тогда покажу!" — грозно пообещал он. Но ехал в клуб в тревоге.

— Не отменили? — не успев поздороваться, спросил у Переслегина и Чудецкого.

— С чего вы вдруг? — удивились те.

— Нет, я так... — сказал Данилов.

Однако он не успокоился. Осмотрел инструмент — целы ли струны. И позже альт не выпускал из рук. Сходил на сцену, все оглядел тщательным образом, словно искал пластиковую бомбу.

Потихоньку стала приходить публика. Лица в фойе поначалу Данилову были незнакомые, — видно, медики. Но потом появились и известные личности. Преподаватели консерватории, они хоть и не вели когда-то занятий в классе Данилова, теперь с ним раскланялись. Четыре музыканта с именем. Музыкальные критики. Всех их у дверей встречали Чудецкий с Переслегиным, стало быть, они их и приглашали. Пришел и еще один человек, вызвавший беспокойство композитора и дирижера.

— Вы его не звали? — спросили они у Данилова.

— Нет, — сказал Данилов. — А кто это?

— Зыбалов! — поморщился Переслегин. — Музыкальный критик и фельетонист...

— Ну и чудно, — сказал Данилов.

Крупный мужчина Зыбалов глядел на всех мрачно. "Да он прямо как фея Карабос, — подумал Данилов, — на дне рождения Спящей..." То, что Зыбалов музыкальный критик, Данилов не знал, но он видел этого человека в очереди к хлопобудам. Чудецкий с Переслегиным ждали

еще кого-то, но те пока не приходили. Оно и естественно. Самые необходимые люди всегда опаздывают. Или вообще не являются.

Хотя и было глупо, стыдно даже, с альтином в руке стоять в фойе, однако Данилов стоял, пока не пришли его знакомые. Всего человек сорок. Почти все, кто был в последний раз у Муравлевых. И иные. Конечно, пришла Наташа с Екатериной Ивановной, Данилов был в волнении, он не знал, как представлять Наташу приятелям. Однако Екатерина Ивановна очень быстро перезнакомила их с Наташей, и Данилов понял, что о Наташе все уже знали или догадывались. Да и не Наташей с Даниловым все были как будто бы теперь заняты. Среди прочих пришла давняя знакомая Данилова Лена Буранова, концертмейстер из Гнесинского, она и отвлекла внимание. Буранова ждала ребенка, да и не одного, если судить по ее видимому состоянию, а двух. Теперь все принялись придумывать близнецам имена, причем мужские. "Да идите вы! — говорила Буранова. — У меня будет девочка Марьяночка..." Данилова просили играть тише, без страстей, а то вдруг Буранова взволнуется и прямо в зале родит. Одно было хорошо — то, что Данилов играть взялся именно в Клубе медицинских работников. Данилов отшучивался, однако был доволен легкомысленным ходом разговора.

Но вот все, кого Данилов ждал, пришли, он побежал за сцену. Кто-то крикнул ему вдогонку: "Банкет-то где будет?", Данилов обернулся с

намерением ответить и увидел входившего в клуб румяного злодея Ростовцева. Данилов ничего не сказал о банкете, ушел.

Люди уже сидели в зале, хотя многие толпились еще возле буфета. Кроме симфонии Переслегина, оркестр должен был исполнить Седьмую Прокофьева. Поначалу Переслегиным хотели закончить концерт, но композитор заявил: "Нет!" По мнению Переслегина, Прокофьев мог спасти репутацию оркестра и после провала его симфонии. "Ну и пусть, — решил Данилов. — Быстрее отыграю. И ладно".

Объявили симфонию. Данилов вышел в тишину. Как он играл и что он чувствовал, позже вспоминал он странным образом. Какими-то отрывками, видениями и взблесками. А ведь он привык к сцене, выступал в залах куда более вместительных, чем этот, аккомпанировал певцам театра в составе ансамблей или просто играл в секстете, но тогда он выходил на сцену спокойный, видел и ощущал все, что было вокруг, — каждую пылинку на досках пола, каждый вздох, каждый кашель в зале. Здесь же он был словно замкнут в себе, он сам себя не слышал. То есть слышал, но так, как слышит себя человек, торопящийся сказать, выкрикнуть людям что-то важное, необходимое, разве существенно для него сейчас — красиво ли он произносит звуки, все ли его слова правильны? Данилов и не думал теперь выйти из состояния, в каком оказался, и оценить свой звук как бы со стороны, он просто звучал, и все. Данилов,

похоже, не только в Клубе медицинских работников был сейчас, он был везде. А время замерло. Всюду замерло. Но не в музыке. Там оно текло — и быстро, и медленно, и рвалось, и перекачивалось по камням, в отчаянной усталости. Снова альтист Данилова, как и Данилов, находился в борьбе, в любви, в сладком разрыве, в мучительном согласии со звуками оркестра. Он и сам был как оркестр и не желал смириться с металлической поступью труб и ударных, наступавших на него то в марше, то в каком-то визгливом зверином танце, и, заглушенный, исковерканный было ими, возникал вновь и жил, звучал, как жил и звучал прежде. А потом, оказавшись вдруг в нечаянных вихрях скерцо, бросался за сверкающим полетом скрипок, исчезал в их звуках, словно бы купаясь в них, озорником выскакивал вперед, сам манил скрипки куда-то, и тут все стихало, и только альтист Данилова, только сам Данилов утончившимся и потеплевшим звуком то ли печалился, то ли радовался в долгожданном покое и сосредоточенности. Но то были короткие мгновения. И снова толпа. Земля, вселенная захватывали Данилова, и ему было хорошо и горько и хотелось плакать. И при всем при этом всегда валторна и кларнет — прошлое и второе Я — существовали рядом с альтистом Данилова, валторна порой грустила, вздрагивала как-то или что-то предсказывала, а порой звучала светло, будто исчезнувшая свежесть юных лет, кларнет был нервен,

вцеплялся в мелодию альты, рвал ее, грозил и мучился, и скрипом тяжелой черной двери, впускающей страшного гостя, кларнета опекал контрабас. А то вдруг валторна изменяла самой себе, на мгновения приближалась голосом к деревянным духовым, становилась будто кларнетом, и альт Данилова затихал в растерянности. Потом он, подавленный памятью и тем, что было в нем, но чему он не мог или не желал дать свободу, выслушивая ехидные голоса, в тягостных напряжениях как бы приходил в себя, снова к нему возвращалась ярость, жажда любви и жажда жизни, и какой бы скрежет, какие бы обвалы губительных звуков, какие бы механические силы ни обрушивались на него, он пробивался сквозь них, летел, несясь дальше, иногда суетливо, в лихорадочном движении оркестра, иногда будто сам по себе, и опять ненавидел, и опять страдал, и опять любил, движение все убыстрялось, становилось мощным, яростным, ему предстояло быть вечным, но тут — все. Ноты Переслегина кончились, смычок замер и отошел от струн.

Все стихло. И навсегда.

Потом все ожило. Публика аплодировала шумно, благожелательно. Даже цветы бросали на сцену. Данилов раскланивался, дирижер Чудецкий улыбался, пожимал Данилову руку, показывал публике на Данилова: мол, он виноват. Данилов, в свою очередь, показывал на Чудецкого, на валторниста, на кларнетиста,

на оркестр. Отыскали автора, привели. И ему хлопали.

— Неужели все? — спросил Данилов Переслегина.

— Но ведь, Владимир Алексеевич, — как бы извиняясь, сказал Переслегин, — звучало сорок четыре минуты. Куда уж больше!

— Нет, я не про это. Звук у нас как-то обрывается на лету...

— Он не обрывается, — горячо сказал Переслегин. — В том-то и дело. Он не обрывается и не замирает, он должен звучать дальше, вы разве не чувствуете?

— Вы так считаете? — задумался Данилов.

Со сцены следовало уходить. Публика из задних рядов потекла в фойе и к буфету. Пошли и оркестранты. В комнате за сценой Переслегин обнял Данилова, тут же отпрянул от него, сказал серьезно:

— А ведь вы сыграли большее, нежели то, что я написал... Ведь что-то мощное вышло! Ужасное, гордое, высокое...

— Как же я мог сыграть большее, чем у вас есть? — удивился Данилов. — И играл не я, а оркестр, я солировал...

— Вы не спорьте со мной, — сказал Переслегин. — Я все слышал, хоть и дрожал в уголке... На репетициях у вас не так выходило... ну, впрочем, это и понятно...

Данилов в сомнении и так, чтобы другие не видели, посмотрел на браслет. Нет, он был на сцене вполне человеком. К ним подошел большой музыкант, поздравил и заявил Переслегину:

— Вы, сударь, этак всю музыку перевернете...

— Да что вы! — чуть ли не взвился Переслегин.

— Отчего же! У меня самая что ни на есть традиционная музыка... Ну отразились какие-то современные ритмы и голоса, вот и все...

— Нет, сударь, — покачал головой большой музыкант, — это вам так кажется. — Тут он поклонился Данилову: — И к вашей игре, молодой человек, надо привыкнуть.

Он сослался на то, что его в фойе ждет дама, и ушел.

— Ну да, привыкнуть! — произнес расстроенно Переслегин. — Вежливые слова.

Забежал Чудецкий, спросил, откуда Данилов с Переслегиным будут слушать Прокофьева. Данилов сказал, что из зала. Однако чувствовал, что ничто уже не сможет слушать сегодня, он с удовольствием отправился бы домой, но нехорошо было бы перед оркестрантами. Он их полюбил. Дождался третьего звонка и тихонько прошел в зал. Альт оставил за сценой, теперь-то было можно, теперь-то что! Сидел в зале на жестком стуле и приходил в себя. Будто возвращался откуда-то из недр или из высей.

Уже не ощущал усталости, а возбуждался все более и более и, хотя чувствовал, что сыграл хорошо, теперь желал исполнить симфонию Переслегина снова, тут же бы и исполнил, если б была возможность. Да и не один бы раз, а много раз, пока не утолил бы жажду и не успокоился. Он стал напевать свою партию. На него зашикали в темноте. "Извините", — пробормотал Данилов, очнувшись. Оркестр уже играл Прокофьева. Данилов пытался слушать приятных ему молодых людей, да и Прокофьева он любил, но ничего не смог с собой поделать. "Если бы меня сейчас снова выпустили на сцену!" — страдал Данилов. А тут уж и Прокофьев кончился. Данилов побежал за сцену, поздравлял артистов оркестра и Чудецкого, но слова путного не мог найти. Так, бормотал что-то радостное. Впрочем, никто, казалось, путных слов и не ждал. Чувства были нужны, и все. А чувства у Данилова были.

Потом все стали гадать: а не поехать ли теперь куда-нибудь, да и всем вместе. Но куда? И столько в оркестре было народу, и столько знакомых ждало в фойе, что в конце концов стали расходиться компаниями. Данилов искал Переслегина, однако тот исчез. Или забился куда-нибудь в угол. В фойе стояли приятели Данилова, они опять принялись говорить ему, как он был хорош на сцене с инструментом и с бабочкой, хоть пиши с него предметную картину. Муравлев все же упрекнул Данилова в

недостаточной силе страстей — Буранова хоть и была взволнована его игрой, однако не родила.

— А где Буранова? — спохватился Данилов.
Буранову уже отправили домой в автомобиле.

— Ну так как, к нам, что ли? — спросил Муравлев, потирая руки. — Жена там кое-что приготовила...

— А может, к Володе? И у Володи есть чем угостить... — робко произнесла Наташа, но тут же как бы испуганно посмотрела на Данилова.

— Действительно, а давайте ко мне! — сказал Данилов.

Чтобы не обижать жену Муравлева, пошли на компромисс. Муравлев был послан за угощениями и сладостями домой. "Рюкзак возьми, рюкзак!" — молила жена его Тамара, а вся компания на трамваях покатила к Данилову. Сидели за полночь, Данилов был в возбуждении, все вскакивал, бегал на кухню, носил какие-то стаканы, какие-то салаты на тарелках, что-то говорил кому-то, мне в частности, и сам слушал всякие слова. Сказаны ему были и слова серьезные — о музыке, о его игре, и, хотя в компании все были слушателями-дилетантами, Данилову эти слова показались справедливыми и точными. "Нет, Данилов, ты сделал важный шаг, важный..." — повторяла Костюрина. "А мне иногда было просто ужасно, — тихо говорила Муравлева, — и за тебя, и

вообще..." А потом сразу возбужденность Данилова спала, он почувствовал, что сейчас же заснет. Сквозь дрему Данилов слышал чьи-то споры, чей-то смех, стеклянные и металлические звуки посуды, журчанье дамских бесед, милый голос Наташи. Ах, как хорошо ему было! Данилов открыл глаза. Екатерина Ивановна танцевала с Еремченко, снег летел за окнами, Муравлев, размахивая руками, что-то доказывал Костюриной. А рядом стоял Ростовцев. "Откуда он здесь? — удивился Данилов. — Зачем?" Но тут же Данилов заснул. И когда заснул, увидел, как выходит он на сцену Клуба медицинских работников. И услышал свой альт.

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

ШЕВРИКУКА, ИЛИ Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские истории":
"Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

17

Смотрины дома на Покровке устроили не через неделю, как обещал Дударев, а через две, в новолуние. Происходили и смотрины дома, и смотрины претендентов, имеющих к дому интерес. Распорядители смотрин, в команде которых суетился Дударев, именовали их "женихами". Чтобы не вызывать недоумений и

вопросов Дударева, Шеврикука был вынужден принять вид бытового насекомого, на этот раз - рыжевато-коричневого таракана с усиками. Вечером один из гостей, или "женихов", по всей вероятности, латиноамериканец, проявив бестактность, указал в сторону Шеврикуки пальцем, чего нельзя было ожидать от латиноамериканца, и произнес с одобрением: "О-о! Кукарача!" Шеврикука скрылся в щелях, каких было много в памятнике архитектуры, бормоча нелестные слова и в адрес Дударева, и в адрес латиноамериканца.

В числе вечерних претендентов явились японцы, южный кореец, упомянутый уже латиноамериканец, два то ли датчанина, то ли исландца, были, конечно, и свои местные московские дельцы, и люди кавказской внешности, и один туркестанец из Андижана. Устроители смотрин выглядели людьми деликатными, европейски образованными, но гордыми, хотя при этом они давали понять, что гордость гордостью, а карманы у них обременительно пустые, а в домах, возможно, хнычут голодные дети.

С показом здания возникали сложности. Оно было явно запущено. К тому же, как известно, часть его занимали коммунальные квартиры с мятежными жильцами, не желающими убывать в Бутово, а часть, в правом крыле, пока даже и не обследовалась реставраторами. Там и лампочки не горели. Однако намечалось

романтическое посещение темных комнат и подклетов со свечами в руках.

Столы предстояло накрыть на втором этаже в овальной гостиной. И хотя сюжеты смотрин не были объявлены претендентам с намерением удивить их по ходу дел, в воздухе витало, а кем-то и произносилось: "На уровне Екатерины". Какой Екатерины, Шеврикука догадывался, но что за уровень имелся в виду, представить он не мог. Лишь когда кем-то было шепотом уточнено: "На уровне Екатерины в Кускове", нечто для него приоткрылось. Но в Кускове гостей поили и кормили в Гроте, да и дом на Покровке никакого отношения к графу Петру Борисовичу Шереметеву не имел. И вряд ли во всей Москве нашлись бы теперь знатоки церемониала, какие не вызвали бы нареканий и усмешек в записях камер-фурьерского журнала. И на стол небось, предположил Шеврикука, поставят французский коньяк "Наполеон" из варшавского крыжовника.

Но ведь ложными коньяками могли оказаться и все сегодняшние "женихи". Сколько ловцов, обманщиков и прохиндеев с намерениями приносятся нынче в Москву. Где и свой жулик на жулике.

Шеврикуке стало жалко Гликерию.

Хотя ее-то что было жалеть?

Овальным зал днем не открывали — не всем предстояло быть допущенным к кувертам. Хотя всех приветствовали равноуважаемо и

равнодушно. Дневные гости поднимались на второй господский этаж парадной лестницей о двух разводах, с некогда мраморными ступенями, а нынче неизвестно какими, в лучшем случае - кирпичными, замазанными чем-то серым; и коммунхозовская ковровая дорожка милосердно прикрывала их. Гостей направляли в аванзал с дорическими колоннами и розовыми амурами в ампирном небе. Тут было что пить и чем закусывать. И тут хозяйничал громкий расторопный Дударев. Казалось, он забыл об агониях, хаосе, всеобщей околесице и разброде. Казалось, он уже не помнил и о разгромленной, обобранной лаборатории Митеньки Мельникова, будто ей купон цена. Ну три. Сегодняшний Дударев с упоением руководил движением гостей к подносам-самобранкам и заманным коммерческим проспектам.

Гости же, естественно, имели при себе необходимые в наши дни вместилища — кто кейсы, кто портфели, кто сумки, кто саквояжи, а кто и канистры. Как известно, канистры уместны на приемах у итальянцев и французов. У итальянцев бьют винные фонтаны, у французов же льются духи и одеколоны. Но и на Покровке канистры не оказались вовсе бесполезными. В них можно было слить пепси, минеральные воды, пиво из жестянок, да все, что текло и булькало. Даже и соусы, если бы их подали. Но вот сливать в канистры водку и коньяк многие стеснялись. Неловкость некая возникала. Впрочем, несколько лет назад уносить что-либо

с приемов или приводить туда непрошенных дармоедов - мужей, племянников, любовниц, автомобильных механиков - тоже представлялось дурным тоном. Нынче нравы стали проще. Нынче могли не понять тех, кто, завладев пригласительным билетом на прием, презентацию, рифинг, саммит, чтение ноты протеста, не урвал бы что-нибудь. Один гражданин прибрел теперь в аванзал с саквояжем времен сражений на сопках Маньчжурии, и пасть у того раскрылась пеликанья. Гражданин был останкинский, вязал гамаки по-ямайски, и в связи с чем его позвали на Покровку, Шеврикуке оставалось лишь гадать. Бутылку крымского хереса, крепкого, сухого, гражданин опустил в саквояж вежливо, туда же направил коробку, загруженную корзиночками с печеночным паштетом. Как бы спохватившись, он пробормотал расстроенно: "Куда же столько! Надо и совесть знать!" И одну корзиночку вернул на стол. А внимание его привлекли жюльены из шампиньонов, и те сейчас же отправились в саквояж. "Неловко-то как, - пробормотал вязальщик ямайских гамаков. - Не надо бы все это..." Но тут же, влекомый лишь запахом, он прихватил и еще две горячие регенсбургские колбаски. Дударев все видел, но проявлял себя хлебосольным московским хозяином, миллионщиком, отчасти чудаковатым. Лишь порой губы Дударева все же растягивались в брезгливо-высокомерной усмешке. Тогда взгляды иных гостей (не

совестливого вязальщика гамаков, не его) Дудареву подобающе отвечали: "А сам-то небось через день явишься с авоськой к нам на прием, так что помалкивай, селезень!" Но однажды Дударев насторожился. Подозрения его вызвал молодой человек, вбежавший в аванзал с очевидной боевой мыслью в глазах. Тяжелые ботинки его громыхали, за спиной у него был рюкзак, а в руке - альпеншток. "Рюкзак-то, понятно, для посуды и канделябров, - сообразил Дударев. - А альпеншток-то зачем? Неужели будет сдирать плафон с потолка?" Но Дударев быстро успокоился, — молодой человек влетел не в тот дом: он спешил на собрание-разборку скалолазов в Сверчков переулок, и туда, получив разъяснения, он и помчался. Да и новый московский стиль хождения в гости хозяйской утвари пока не касался. К тому же в аванзале находились и соблюдаатели этикета, чрезвычайно благосклонные и элегантные, розовощекие блондины, каждый - под два метра, и были они, если судить по их выправке и особенностям физиономий, модными сейчас выпускниками Института физкультуры. Может, этим соблюдаателям, предположил Шеврикука, передалось нечто от натуры графа Алексея Кирилловича Разумовского, чей дворец на Гороховом поле и занимал институт. А Разумовские все, как отмечала Екатерина Великая, были крупны, хороши собой, оригинального ума и очень приятны в

обращении. Куда уж тут скалолазу с его рюкзаком и альпенштоком!

Но что это я все о приобретениях гостей? Тем более что их добыча уже была размещена где надо, а сами же они с бокалами шампанского приступили к светским разговорам либо рассматривали стенды с фотографиями, чертежами, планами реставрации памятника истории и культуры. Или даже внимали архитектору, стоявшему с указкой у стендов. Слышалось: "Уже в семнадцатом веке в усадьбе были каменные здания, включенные затем в ее главный дом и северный флигель. Древнейшей частью главного дома является белокаменный объем рубежа шестнадцатого - семнадцатого столетий, находящийся теперь целиком ниже уровня земли..." "О! - обрадовался гость с кофром на плече. - Ниже земли! Это для привидений!" "Привидений? - растерялся архитектор. - Я не по привидениям. Привидений вообще нет. Я продолжу..." И последовали слова о дальнейших перестройках здания, — в частности, для новых его владельцев Тутомлиных, о барокко, рококо и о том, что, в конце концов, главный дом усадьбы занял особое место в ряду московских жилых домов эпохи зрелого классицизма. "Что же, при зрелом, что ли, классицизме не бывает привидений?" - возмутился гость с кофром. "Фасады были гладко оштукатурены, - не дал себя сбить архитектор, - получили белокаменные тяги и карниз, а между

ризалитами протянулся балкон на невысоких, широко расставленных консолях. Строгая простота отличает и внутренний облик дома. Парадная анфилада второго этажа, мы сейчас здесь и находимся, состоит из немногих помещений - зал с аванзалом, гостиная, спальня и кабинет, - но замечательна по своим монументальным масштабам. Гостиная - самое крупное помещение дома..." "В гостиную нас не пустят. Туда мы не приглашены..." - вздохнули в аванзале. "Это как же! - теперь уже вскричал гость с кофром. - Ризалиты здесь есть, белокаменные тяги есть, а привидений нет! Что вы нам головы морочите! Зачем вы нас заманивали?"

- Вас никто не заманивал, - сказал Дударев. - А привидение будет. Будет.

Шеврикука удивился. Дударев мог ответить уклончиво: мол, всякое случается, мол, речь идет о столетиях, вдруг что-нибудь отсырело, или заплесневело, или впало в спячку и кто вправе давать какие-либо гарантии? Но заверение Дударева прозвучало нагло-категорично. Будет, и все. Это Шеврикуку насторожило.

- Да. Будет, - сказал Дударев. - Но не сейчас. И не для всех. Сегодня не для всех. Увы, не мы избирали претендентов, они избирали нас. Однако я не понимаю, отчего вас так волнует

привидение. Привидение, оно и есть привидение. Не более того. Мы ведь приглашали вас познакомиться с историческими и архитектурными ценностями дворца. Их множество. И я просто не понимаю...

Похоже, недоумение Дударева было искренним. - Ведь столько здесь всего представлено на стендах... Одна история балбеса и пятиметра Панкратия Тутомлина чего стоит! И как главнокомандующий Москвы граф Гудович снял с него очки! - Видимо, судьба вертопраха Панкратия была чем-то особенно дорога Дудареву. Но тут же Дударев и спохватился: - Уважаемые гости. Прошу извинения. Я здесь не главный и в деле новый, возможно, растерялся и кого-то обидел. Это непростительно. Приглашения всем вам были посланы с почтением и надеждой, что наши усилия будут интересны представителям самых разных слоев московского населения. Вечером же здесь произойдет деловой саммит претендентов. Возможно, ни один из них город не устроит. А к вам со словом обратится наш замечательный полпрефект гражданин Кубаринов. Прошу вернуться к подносам и столам.

Слово к представителям населения полпрефекта Кубаринова Шеврикука не был намерен слушать. Этот полпрефект (или - полпрефекта?) три года назад служил профсоюзным оратором в Департаменте Шмелей. Не потому ли и Дударев оказался у

него нынче в распорядителях? Нужду или охоту устроить дневной сбор гостей дома на Покровке Шеврикука объяснил себе новым московским обычаем, подчинением неизбежности текущего времени. Приглашали людей гласных. Среди них были и хроникеры, и недорогие брокеры, и товароведы ювелирных магазинов, и музейные работники, и коммивояжеры резиновых фабрик, и бензозаправщики, и небастующие склифосовские, и гомеопаты, и одна врачевательница квартирных пум, и два картежника - всех не перечислишь. Кого хотели, того и приглашали. Главное, чтобы эти люди ушли сытыми, благодушными, не только гласными, но согласными, и разнесли в своей среде и по городу мнение о том, что на Покровке (в нашем случае - на Покровке) все происходит благородно, красиво, по правилам и все - на пользу столице и Отечеству.

А Шеврикука решил побродить по дому. Не забывал, что в своих путешествиях и исследованиях должен иметь в виду и здешнего домового. Вряд ли тому были бы приятны прогулки в подведомственных пространствах чужака. Кое-что об этом домовом Шеврикука знал. Пребывал тот на одном московском месте чуть ли не семь столетий, переселялся из бревен в камни, менялись его хозяева и имена, в последние два века его звали Пелагеичем. Якобы уже при императоре Павле он был дряхл, рассыпчат и грелся в чулке кухарки Пелагеи. Сейчас-то он вовсе мог полеживать где-нибудь

засохшей и глухонемой закорючкой. Мог, конечно, и принять вид неживой закорючки на время московских перемен и невзгод. Догадался о сроках и замер. К тому же Пелагеич боялся или даже уважал Гликерию, в ее присутственные вечера и ночи был смирный и неслышный. Или хныкал в углу просителем. А если верить преданиям, прежде он слыл домовым вредным, наглым, многих конфузил, многих доводил до икоты, многим портил существование или хотя бы аппетит. Сегодня же Шеврикука не ощутил ни засад Пелагеича, ни его интересов, ни даже запаха его дыхания. А был осторожен и чуток.

Пошел он бродить именно от нечего делать, а закончил путешествие взволнованным. Экие таинственные заброшенности он разглядел. А может, и разгадал. "Ну и дом! - твердил про себя Шеврикука. - Ну и дом! И каково в нем Гликерии!" А ведь, казалось бы, он об обстоятельствах судьбы Гликерии и ее истории знал все. Нет... Не останкинская ли жизнь притупила его память и любопытство? В Останкине строения - грудные младенцы, они еще ничего не ведают о прошлом и не предчувствуют будущее. В них уместны домовые Продольные. А он-то, Шеврикука, что разволновался сегодня? Или и впрямь забыл, что и в Белом городе, и в Земляном, да кое-где и за их валами, на Басманных, например, сотни зданий пронизаны веками и сами пронизали века, сберегают в себе не только древние камни, но и всё приобретенное в столетиях, дурное и

светлое. Сколько в них тайн, сколько сохраненной энергии, сколько пророчеств!

"Что это я! - удивился себе Шеврикука. - Тайны! Энергии! Пророчества! Какая патетика! Какой пафос!" Несчастный Петр Арсеньевич — и тот был сдержаннее в высказываниях. Пригодятся ли ему сегодняшние открытия или нет, Шеврикука еще не знал. И стоит ли ему вообще помнить о них? Нет, помнить, видимо, стоило, как и стоило помалкивать о своих нечаянных исследовательских прогулках. "Нет, надо вернуться! - кто-то будто приказывал ему. - Там еще остались замурованные ходы. И заколоченные двери!"

(продолжение предполагается)

Иосиф БРОДСКИЙ,
лауреат Нобелевской премии

ИЗ "ШКОЛЬНОЙ АНТОЛОГИИ"

1

Э.Ларионова

**Э. Ларионова. Брюнетка. Дочь
полковника и машинистки. Взглядом
напоминала взгляд на циферблат.
Она стремилась каждому помочь.
Однажды мы лежали рядом
на пляже и крошили шоколад.
Она сказала, поглядев вперед,
туда, где яхты не меняли галса,
что если я хочу, то я могу.
Она любила целоваться. Рот
напоминал мне о пещерах Карса.
Но я не испугался. Берегу
воспоминанье это, как трофей,
уж на каком-то непонятном фронте
отбитый у неведомых врагов.**

Любитель сдобных баб, запечный котофей,
Д. Куликов возник на горизонте,
на ней женился Дима Куликов.
Она пошла работать в женский хор,
а он трубит на номерном заводе.
Он — этаким костистый инженер...
А я всё помню длинный коридор
и нашу свалку с нею на комодке.
И Дима — некрасивый пионер.

Куда всё делось? Где ориентир?
И как сегодня обнаружить то, чем
их ипостаси преображены?
В её глазах таился странный мир,
ещё самой ей непонятный. Впрочем,
не понятый и в качестве жены.
Жив Куликов. Я жив. Она жива.
А этот мир — куда он подевался?
А может, он их будит по ночам?..
И я всё бормочу свои слова.

Из-за стены несутся клочья вальса.
И дождь шумит по битым кирпичам.

* * *

**Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.**

Э. Ананиашвили

Цитата номера:

**Весь мир до
основанья мы
разрушим, а
из обломков
не возьмем ни
фига.**

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

< И Б И С >

№ 33

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 108 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла журнал целиком (либо отдельными статьями в виде *.doc-файлов) бесплатно предоставляется на почтовом сайте www.mailru.com и далее по адресу eugenelev@fromru.com (пароль — academia).

Цена дискеты с одним номером журнала — 30 руб.

С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо установить режим разметки страницы («Print Layout View»), 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. Реквизиты редакции:

Тел.: (095) 493-54-87

E-mail: eugenelev@fromru.com

**"Следует
всеми
силами
продвигать
знания о Тонком
мире."**

Агни Йога